

ДАЙДЖЕСТ НОВОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА

Выпуск №16

Дайджест новостей правового регулирования банкротства */март - апрель 2018 года/*

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА	4
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА. 5	
1. Законопроекты	5
2. Громкие банкротств.....	6
<i>Банки .....</i>	<i>6</i>
<i>Строительство .....</i>	<i>6</i>
<i>Торговля .....</i>	<i>6</i>
<i>Транспорт, инфраструктура .....</i>	<i>6</i>
<i>Банкротство физических лиц.....</i>	<i>6</i>
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА	6
<i>Возбуждение дела о банкротстве.....</i>	<i>6</i>
<i>Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве. ....</i>	<i>9</i>
<i>Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве. ....</i>	<i>10</i>
<i>Залог и поручительство при банкротстве. ....</i>	<i>16</i>
<i>Оспаривание сделок должника. ....</i>	<i>20</i>
<i>Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков. ....</i>	<i>31</i>
<i>Торги.....</i>	<i>34</i>
<i>Прочие вопросы. ....</i>	<i>36</i>

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:	40
1. Монографии	40
2. Статьи	40
Журнал "Арбитражная практика для юристов"	40
Журнал "Юрист компании"	40
Журнал "Вестник экономического правосудия".....	40
Журнал "Хозяйство и право"	40
3. Блоги	41

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

Представляем вам 16-й выпуск Дайджеста новостей правового регулирования банкротства за март и апрель 2018 года.

В этот раз номер получился по-настоящему весенний, очень яркий и разнообразный по количеству освещенных тем, а также наполняющий оптимизмом благодаря некоторым законодательным инициативам и очень своевременным позициям высшего суда.

Главным ньюсмейкером за прошедшие два месяца, бесспорно, являлось АСВ. Так, например, в марте Центробанку РФ пришлось [комментировать](#) действия Агентства по взысканию с граждан средств, которые они снимали в проблемных банках накануне отзывает лицензий. Речь идет об участившихся в феврале 2018 года жалобах на действия АСВ по возврату в конкурсную массу банков-банкротов денежных средств за счет оспаривания соответствующих действий. В частности, с физических лиц стали взыскивать средства, которые они снимали со своих вкладов. Как и ожидалось, точку в данном споре пришлось ставить Верховному суду РФ. В определении от 02.04.2018 г. № 305-ЭС17-22716, суд, фактически, [встал на сторону клиента банка](#), успевшего снять деньги накануне банкротства кредитной организации.

Не без гордости хотелось бы отдельно отметить, что в представленную подборку практики высшего суда включен кейс, к которому наше бюро имеет непосредственное отношение.

С уважением,

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- В расписании образовательных мероприятий Юридического института «М-Логос» имеются следующие программы повышения квалификации, принять участие в которых Институт предлагает подписчикам Дайджеста:

Четырехдневный семинар повышения квалификации «[Субсидиарная ответственность при банкротстве: новеллы законодательства и актуальная судебная практика](#)» (Москва, 31 мая – 1 июня 2018 г., формат обучения – дневной).

Долгосрочная программа повышения квалификации «[Банкротство юридических лиц и граждан: анализ актуальных новелл законодательства и практики применения \(52 ак. часа\)](#)» (Москва, 22 мая – 04 июля 2018 г., формат обучения – вечерний).

Онлайн семинар повышения квалификации «[Практические вопросы подготовки и ведения судебных дел: актуальные практические и процессуальные вопросы](#)» (45 ак. часов)» (Москва, 21 мая – 15 июня 2018 г., формат обучения – онлайн).

- На сайте электронного издательства М-Логос www.m-lawbooks.ru стал доступен для свободного, бесплатного скачивания в электронном формате второй том в рамках серии комментариев к гражданскому законодательству #Глосса под названием «Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к ст. 158-203 ГК РФ». Книга под общей ред. А.Г. Карапетова объемом более 1 200 страниц охватывает большое число острых вопросов применения указанных норм ГК и отражает практически всю релевантную судебную практику высших судов.

Авторский коллектив: В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, С.Л. Будылин, А.А. Громов, А.Г. Карапетов, Д.В. Новак, А.А. Новицкая, А.А. Павлов, Е.А. Папченкова, С.В. Сарбаш, Д.О. Тузов. Те из вас, кто учился или учится у нас сейчас на курсах по договорному праву, уже знакомы со многими из авторов

Электронная книга опубликована в свободном доступе при поддержке ряда российских юридических фирм: «Art de Lex», «Бартолиус», «DS Law», «Интеллект-С», «Качкин и партнёры», «КИАП», «Савельев, Батанов и партнёры», «Томашевская и партнёры», «Трубор», «ФБК Право», «Эксиора».

Скачать книгу в электронном виде в форматах pdf, ePub, fb2 и mobi бесплатно можно здесь: <http://m-lawbooks.ru/index.php/product/sdelki-predstavitelstvo-iskovaya-davnost-postateynyiy-kommentariy-k-st-153-208-gk-rf-pod-red-a-g-karapetova/>

Бумажную книгу можно приобрести на сайте издательства «Статут» <http://www.estatut.ru/book/1223/>

- На сайте www.m-lawbooks.ru доступна покупка видеозаписи курса «**ДОГОВОРНОЕ ПРАВО: актуальные практические вопросы**». Видеокурс состоит из 18 лекций общей продолжительностью – 57 ак. часов. Вы можете купить как курс в целом, так и отдельные видеолекции по конкретным темам. Видеолекции можно смотреть на любом устройстве (ПК, ноутбук, планшет и даже смартфон). К каждой видеолекции прилагается значительный объем материалов для дополнительного чтения. Лекторы: А.Г. Карапетов, Р.С. Бевзенко, А.А. Павлов, М.Л. Башкатов.

- На сайте www.m-lawbooks.ru доступна покупка видеозаписи курса «**Практические вопросы подготовки и ведения судебных дел: актуальные практические и процессуальные вопросы**». Видеокурс состоит из 14 лекций общей продолжительностью – 36 ак. часов. Вы можете купить как курс в целом, так и отдельные видеолекции по конкретным темам. Видеолекции можно смотреть на любом устройстве (ПК, ноутбук, планшет и даже смартфон). К каждой видеолекции прилагается значительный объем материалов для дополнительного чтения. Лекторы: Т.Ф. Арабова, И.А. Веселов, М.В. Жижилина, А.Г. Карапетов, М.А. Кульков, А.А. Панов, С.В. Савельев, Ю.В. Тай и И.В. Цветков

- На сайте Института опубликованы следующие дайджесты правовых новостей:

[Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за февраль, март 2018 года](#)

[Дайджест новостей процессуального права за февраль, март 2018 года](#)

[Дайджест новостей антимонопольного права за январь - февраль 2018 года](#)

[Дайджест новостей права интеллектуальной собственности за декабрь 2017- февраль 2018](#)

[Дайджест новостей торгового и потребительского права 1 квартал 2018 года](#)

- На сайте Юридического института «М-Логос» опубликованы видеозаписи, а также тезисы докладчиков научных круглых столов, которые Институт организовал в марте - апреле 2018 г.:

[Научный круглый стол «ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛКИ В СВЯЗИ С ЗАБЛУЖДЕНИЕМ: проблемные вопросы применения ст.178 ГК РФ»](#)

[Научно-практический круглый стол «ПРОБЛЕМНЫЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ»](#)

[Научный круглый стол «ДИСПОЗИТИВНОСТЬ НОРМ КОРПОРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРЕДЕЛЫ СВОБОДЫ ДОГОВОРА В КОРПОРАТИВНОМ ПРАВЕ»](#)

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законопроекты

[Законопроект № 441842-7 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации \(в части совершенствования правового регулирования отдельных требований кредиторов в делах о банкротстве кредитных организаций\)"](#)

Дата внесения в ГД: 13 апреля 2018 года

Инициатор: Правительство Российской Федерации

Комитеты: Комитет Государственной Думы по финансовому рынку

Статус: направлен в Комитет Государственной Думы по финансовому рынку 16.04.2018 г.

Из пояснительной записки к законопроекту:

Проектом федерального закона предлагается ограничить Агентство по страхованию вкладов (далее – Агентство) в правах, исключив возможность его участия в качестве кредитора в принятии решений на собраниях (комитетах) кредиторов, в том числе через уполномоченный орган (ФНС России). Предлагаемый подход позволит более корректно решить проблему конфликта интересов, возникающего при совмещении Агентством функций конкурсного управляющего (ликвидатора) кредитной организацией и ее кредитора. Данная мера также позволит перераспределить голоса на собраниях кредиторов в пользу наименее защищенной категории кредиторов - кредиторов третьей очереди, включая субъектов малого предпринимательства.

Одновременно законопроектом предлагается предоставить возможность включения требований Агентства в реестр требований кредиторов независимо от даты его закрытия.

[Законопроект № 307663-7 "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности \(банкротстве\)" и отдельные законодательные акты Российской Федерации \(в части усиления социально-реабилитационной функции института банкротства граждан и расширения сведений, публикуемых в федеральном информационном ресурсе\)"](#)

Дата внесения в ГД: 8 ноября 2017 года

Инициаторы: депутаты ГД

Комитеты: Комитет ГД по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям (ответственный), Комитет ГД по финансовому рынку (соисполнитель), Комитет ГД по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям (профильный)

Статус: законопроект принят в первом чтении 03.04.2018 г.

Из пояснительной записки к законопроекту:

Изменения направлены на устранение противоречий между обязанностью ликвидационной комиссии должника подать заявление о признании должника банкротом в течение 10 дней с момента наступления оснований для обязательной подачи соответствующего заявления (п. 3 ст. 9 Закона о банкротстве в текущей редакции) и обязанностью должника опубликовать уведомление о подаче такого заявления не менее чем за 15 дней до даты его подачи (абз. 2 п. 4 ст. 37 Закона о банкротстве). Для устранения указанного противоречия срок подачи ликвидационной комиссией должника заявления должника о признании его банкротом продлевается до 20 дней. Устраняется дифференциация между представителем работников должника и иными лицами, имеющими право созыва собрания кредиторов.

2. Громкие банкротства

Банки

[АСВ взыскало многомиллиардные убытки с бывших руководителей банка "Западный"](#)

[В банкротном деле "Дальней степи" стороны готовы примириться](#)

[Суд признал банкротом московский банк из топ-200](#)

[ЦБ банкротит крупный самарский банк](#)

Строительство

[Суд признал владельца "Усть-Луги" банкротом](#)

Торговля

[Суд признал банкротами две фирмы из группы компаний "Независимость"](#)

["Московский кредитный банк" банкротит компании автодилера Genser](#)

Транспорт, инфраструктура

[ВИМ-Авиа приземлилась: с компании взыщут 19 млрд рублей](#)

Банкротство физических лиц

[Кредиторы банкротят бывшего владельца сети автосалонов "Сапсан"](#)

[Суд признал акционера Татфондбанка банкротом](#)

[Суд признал экс-владельца рекламного агентства "Глобал Поинт" банкротом](#)

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

Возбуждение дела о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 26.03.2018 г. № 305-ЭС17-18572](#)

Осуществляя в соответствии с п. 2 ст. 313 ГК РФ полное (с учетом финансовых санкций) погашение просроченного денежного долга в пользу первого заявителя по делу о банкротстве, третье лицо действовало как разумный участник гражданского оборота. Его опасения как мажоритарного кредитора утратить возможность влиять на процедуру несостоятельности оправдано и свидетельствует о наличии законного правового интереса в применении положений ст. 313 ГК РФ. Квалификация судами действий банка в качестве злоупотребления правом исключительно по тому основанию, что он выкупил требование к должнику с намерением предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, является ошибочной, поскольку при таком подходе смысл участия первого заявителя в деле о банкротстве сводится только к возможности предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, а не к получению удовлетворения по заявленным требованиям, что явно не соответствует целям законодательного регулирования.

При этом, поскольку само требование сохраняется (меняется лишь личность кредитора в порядке правопреемства), предполагается, что новый кредитор-правопреемник поддерживает заявление его правопродшественника о признании должника банкротом. В противном случае следует считать, что новый кредитор не настаивает на исполнении обязательства должником путем применения механизма банкротства.

По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника, прежде всего, состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований.

Все предоставленные кредиторам права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности, одним из которых является полномочие первого заявителя по делу о банкротстве (чье требование признано обоснованным), на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо

саморегулируемой организации, из числа которой подлежит назначению арбитражный управляющий) направлены на способствование достижению названной цели.

В рассматриваемом случае погашение просроченной задолженности фирмы перед Яхудиным Р.С. произведено обществом "Высота" в полном объеме после возбуждения производства по делу о банкротстве, но до введения в отношении должника какой-либо процедуры банкротства в порядке, установленном ст. 313 ГК РФ.

В обоснование своих доводов банк, чье заявление о вступлении в дело о банкротстве подлежало рассмотрению следующим после рассмотрения обоснованности заявления Яхудина Р.С., ссылаясь на опасения в недобросовестном подконтрольном должнику банкротстве (что в итоге могло привести к большим имущественным потерям) и необходимость проведения процедуры банкротства с арбитражным управляющим, личность которого не вызвала бы сомнений применительно к разъяснениям п. 56 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве". В частности банк обращал внимание на то, что процедура добровольной ликвидации должника и взыскание долга в пользу Яхудина Р.С. (принятие судебного приказа) произведены фактически одновременно; основания признанного должником требования, размер которого немногим больше минимального порогового значения, необходимого для подачи заявления о банкротстве, из судебного приказа установить не представляется возможным; защиту прав должника и Яхудина Р.С. в судебных заседаниях осуществлял один и тот же представитель.

Банк приводил достаточно убедительные доводы в пользу того, что его поведение носит защитный характер и не направлено на причинение вреда вовлеченным в процесс о несостоятельности лицам, что в целом является ожидаемым от любого разумного участника гражданского оборота и соответствует стандарту добросовестности.

Осуществление обществом "Высота", фактически действующего в интересах и по поручению банка, действий по оплате просроченной фирмой задолженности в полном объеме порождает у Яхудина Р.С. обязанность принять предложенное исполнение, является основанием для признания суброгации состоявшейся и свидетельствует об отсутствии у последнего дальнейшего правового интереса к процедуре банкротства, учитывая, что главная цель участия в деле о банкротстве (получение исполнения обязательства) достигнута.

При этом внесение денежных средств в депозит нотариуса являлось вынужденной мерой, поскольку Яхудин Р.С. не предоставил сведений об актуальных банковских реквизитах для проведения платежа.

Квалификация судами действий банка и общества "Высота" в качестве злоупотребления правом исключительно по тому основанию, что последнее выкупило требование к должнику с намерением предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, является неверной, поскольку при таком подходе смысл участия первого заявителя в деле о банкротстве сводится только к возможности предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, а не к получению удовлетворения по заявленным требованиям, что явно не соответствует целям законодательного регулирования.

Позиция судов о несоблюдении порядка погашения требований всех кредиторов (ст. 71.1, 85.1, 113, 125 Закона о банкротстве) также ошибочна, поскольку названные статьи применяются соответственно в процедурах наблюдения, финансового оздоровления, внешнего управления и конкурсного производства. Ни одна из перечисленных процедур в отношении должника на момент оплаты не введена.

В соответствии со сложившейся судебной практикой до введения первой процедуры несостоятельности допускается применение положений пп. 1 п. 2 ст. 313 ГК РФ, то есть возможность исполнения третьим лицом требований конкретного кредитора (без волеизъявления последнего) в индивидуальном порядке с переходом к данному третьему лицу прав кредитора посредством суброгации. При этом, поскольку само требование сохраняется (меняется лишь личность кредитора в порядке правопреемства), предполагается, что новый кредитор-правопреемник поддерживает заявление его правопреемника о признании должника банкротом. В противном случае следует считать, что новый кредитор не настаивает на исполнении обязательства должником путем применения механизма банкротства.

[Определение ВС РФ от 29.03.2018 г. № 307-ЭС17-18665](#)

Несмотря на то, что ст. 313 ГК РФ предусмотрена обязанность кредитора в определенных случаях принять исполнение, предложенное за должника третьим лицом, действия третьего лица,

погашающего часть долгов должника с тем, чтобы снизить их уровень ниже предела, позволяющего кредитору инициировать дело о банкротстве, могут свидетельствовать о признаках злоупотребления правом. В таких случаях поведение третьего лица могло преследовать не цели погасить долги предприятия (тем более что финансовые санкции остались непогашенными), а быть направлено на лишение кредитора статуса заявителя по делу о банкротстве, в том числе на лишение предоставляемых данным статусом полномочий по предложению кандидатуры временного управляющего.

По смыслу п. 2 ст. 4 и п. 3 ст. 12 Закона о банкротстве для определения наличия признаков банкротства и в целях голосования на собрании кредиторов учитываются только требования по основному долгу.

Минимальный размер учитываемых требований к юридическому лицу при решении вопроса о введении в отношении него процедуры банкротства в совокупности должен составлять не менее 300 000 руб. (п. 2 ст. 6 и п. 2 ст. 33 Закона о банкротстве).

Предоставляемая кредиторам возможность инициирования процедуры несостоятельности является одной из форм защиты права на получение от должника причитающегося надлежащего исполнения. В то же время правило о минимальном пороговом значении размера учитываемого требования (300 000 руб.) необходимо рассматривать как разумное ограничение пределов реализации указанного способа защиты.

Вместе с тем такое ограничение, будучи обусловленным незначительностью размера требования к должнику, не должно освобождать последнего от введения процедуры несостоятельности при наличии сведений, очевидно указывающих на неплатежеспособность должника, то есть на прекращение исполнения им денежных обязательств (абз. 37 ст. 2 Закона о банкротстве), а также на недобросовестность лиц, вовлеченных в спорные правоотношения.

В рассматриваемом случае основанием для обращения с заявлением о признании компании банкротом послужила задолженность в размере 9 357 261,75 руб., составляющая сумму уплаченных Куликовой А.Ю. денежных средств во исполнение договора долевого участия в строительстве жилого дома. Долг частично погашен третьими лицами, после чего учитываемое требование составило немногим менее порогового значения (291 661,75 руб.).

В рамках настоящего дела о банкротстве как до, так и после Куликовой А.Ю. с заявлениями о признании компании банкротом обращались иные кредиторы, которым также было отказано во введении наблюдения в отношении должника, поскольку их требования погашались аналогичным образом.

Процедура наблюдения введена не была.

Судебная коллегия полагает, что для суда первой инстанции не могло не быть очевидным, что наличие нескольких требований, которые последовательно на протяжении длительного времени частично погашались должником и третьими лицами так, чтобы сумма оставшейся задолженности не могла превысить пороговое значение, явно свидетельствовало о затруднениях с ликвидностью активов должника, о его неплатежеспособности. Суд не мог не учесть, что упомянутые выше требования, будучи немногим менее 300 000 руб. каждое, в совокупности очевидно превышали данное пороговое значение. В связи с этим суду следовало назначить судебное заседание по совместному рассмотрению указанных требований, однако этого сделано не было.

Аналогичная правовая позиция изложена Верховным Судом РФ в определении от 15.08.2016 № 308-ЭС16-4658 по делу № А53-2012/2015.

[Определение ВС РФ от 05.04.2018 г. № 307-ЭС17-20207](#)

При обращении юридического лица в суд с заявлением о собственном банкротстве ограничения по характеру, размеру и периоду возникновения задолженности, поименованные в закрытом перечне абз. 2, 4 п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве, к нему не применяются. Это означает, что должник вправе обратиться с заявлением о собственном банкротстве независимо от размера имеющихся у него обязательств, периода неисполнения данных обязательств, наличия вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга, а также правовой природы требования (основной долг или финансовые санкции), положенного в основание заявления.

Обращаясь с заявлением о собственном банкротстве, общество ссылалось на наличие у себя следующей задолженности: 46 363 079,73 руб. по уплате административных штрафов и 100 000 руб. по договорам займа.

Отказывая во введении процедуры наблюдения и прекращая производство по делу, суд первой инстанции указал, что сумма требований к должнику по основному долгу составляет 100 000 руб., что менее порогового значения в 300 000 руб., предоставляющего право на возбуждение дела о банкротстве.

Суды апелляционной инстанции и округа согласились с названными выводами, дополнительно указав, что требования об уплате административного штрафа не могут быть учтены для определения признаков банкротства.

Между тем судами первой и апелляционной инстанций не учтено следующее.

Законом о банкротстве предусмотрено два основных режима возбуждения дела о банкротстве в зависимости от личности лица, обращающегося с подобным требованием: по заявлению кредиторов (в том числе контрагентов по гражданско-правовым сделкам, уполномоченного органа по обязательным платежам, работников по заработной плате и т.д.) или самого должника.

Следует учесть, что п. 2 ст. 4 Закона о банкротстве предусмотрена возможность возбуждения кредиторами дела о банкротстве на основании любых денежных обязательств или обязательных платежей, помимо тех, которые прямо поименованы в закрытом перечне исключений абзацев второго и четвертого названного пункта (определение ВС РФ от 22.12.2017 № 307-ЭС17-14888).

В случае же, когда с заявлением о банкротстве обращается сам должник, названные ограничения, за исключением обязанности предварительного опубликования уведомления согласно п. 2.1 ст. 7 Закона о банкротстве (для целей информирования кредиторов и иных заинтересованных лиц о грядущем банкротстве), к нему не применяются. Это означает, что должник вправе обратиться с заявлением о собственном банкротстве независимо от размера имеющихся у него обязательств, периода неисполнения данных обязательств, наличия вступившего в законную силу судебного акта о взыскании долга, а также правовой природы требования (основной долг или финансовые санкции), положенного в основание заявления.

Указанный вывод следует из буквального толкования положений ст. 8 и 9 Закона о банкротстве.

Учитывая изложенное, суды не вправе были прекращать производство по настоящему делу и отказывать во введении процедуры несостоятельности без проверки по существу обстоятельств, не позволяющих обществу рассчитаться по долгам (в том числе финансовым санкциям) со своими кредиторами.

Правовой статус арбитражного управляющего, жалобы на его действия, вознаграждение, расходы по делу о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 05.04.2018 г. № 307-ЭС17-1676 \(3\)](#)

При решении вопроса о том, насколько легитимным и правомерным было назначение арбитражного управляющего, судам надлежит проверить, была ли направлена и выражена воля кредиторов должника на смену управляющего. Об отсутствии воли кредиторов должника на смену управляющего могут свидетельствуют следующие обстоятельства: если в собрании кредиторов, на котором было принято решение о замене арбитражного управляющего, участвовали только подконтрольные должнику лица и/или решение такого собрания в последующем было отменено, а также если подконтрольные должнику кредиторы в последующем отказались от своих требований к должнику.

В отношении Ивановой М.А. введена процедура реализации имущества, финансовым управляющим имуществом Ивановой М.А. утвержден Чашин Сергей Михайлович.

Из протокола собрания кредиторов усматривается, что участвовавшим в собрании кредитором принято решение о выборе союза арбитражных управляющих "Саморегулируемая организация "Северная Столица" в качестве саморегулируемой организации, из числа членов которой подлежит утверждению арбитражный управляющий в деле о банкротстве Ивановой М.А.

Суды пришли к выводу об отсутствии оснований для отказа в утверждении кандидатуры Чашина С.М., поскольку к моменту рассмотрения судом первой инстанции вопроса о смене арбитражного управляющего

решение собрания кредиторов Ивановой М.А., оформленное указанным протоколом, еще не было признано недействительным. Между тем судами не учтено следующее.

Как следует из смысла абз. 2 п. 2 ст. 213.4 Закона о банкротстве замена арбитражного управляющего при переходе от процедуры реструктуризации долгов к процедуре реализации имущества допускается по воле гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов, которая формируется путем голосования на общем собрании в предусмотренном законом порядке через принуждение меньшинства кредиторов большинством.

В рассматриваемом случае финансовым управляющим имуществом Ивановой М.А. в процедуре реструктуризации долгов являлась Каюрова Е.В. Замена арбитражного управляющего в следующей процедуре (в процедуре реализации имущества) мотивирована наличием решения собрания кредиторов о выборе новой саморегулируемой организации.

Как видно из протокола общего собрания кредиторов, в этом собрании принял участие только один кредитор – общество с ограниченной ответственностью "Шарм".

Банк полагал, что решение общего собрания не выражает волю кредиторов. В обоснование своей позиции он ссылаясь на то, что общество "Шарм" полностью подконтрольно Ивановой М.А., которая была его единственным участником и генеральным директором, именно она выдала доверенность представителю для участия в собрании кредиторов от имени общества "Шарм", при этом иные кредиторы о предстоящем собрании надлежащим образом не извещались и поэтому не имели реальной возможности принять участие в данном собрании.

Банк, по сути, указывал на то, что решение о смене арбитражного управляющего при переходе от одной процедуры банкротства к другой не имеет юридической силы, так как принято не кредиторами, а должником, что противоречит существу законодательного регулирования в сфере несостоятельности, не допускающего определение должником на этой стадии ни конкретной кандидатуры управляющего, ни саморегулируемой организации (п. 2 ст. 213.4 Закона о банкротстве).

В дальнейшем определением ВС РФ от 16.11.2017 № 307-ЭС17-1676 отменено определение о признании требования общества "Шарм" обоснованным и подлежащим включению в реестр требований кредиторов Ивановой М.А. При новом рассмотрении спора общество "Шарм" отказалось от требований к Ивановой М.А. и, как следствие, отказалось от подтверждения статуса кредитора.

При таких обстоятельствах следует признать, что смена арбитражного управляющего в деле о банкротстве Ивановой М.А. осуществлена на основании недействительного решения, принятого лицом, не имеющим статуса кредитора.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.

[Определение ВС РФ от 19.03.2018 г. № 306-ЭС17-17686](#)

Покупатель, предварительно оплативший стоимость товара на расчетный счет поставщика-банкрота, открытый в общем для сторон банке, который также признан банкротом, может в связи с неполучением товара заявить требование о включении в реестр требований кредиторов поставщика не на формально зачисленную на счет поставщика внутренней банковской проводкой сумму предоплаты, а лишь на сумму реальной рыночной стоимости требования поставщика к банку, если на момент перевода денег со счета покупателя на счет поставщика у банка не было достаточного остатка на корреспондентском счете и поставщик не получил возможность реально распорядиться зачисленными на его счет средствами.

Общество товар не поставило, предварительную оплату не вернуло, что послужило причиной предъявления фондом требования в деле о банкротстве общества.

Суды установили, что на день отзыва лицензии социальный банк имел неисполненные распоряжения клиентов на сумму более 117 000 000 рублей, просроченные более чем на 13 дней.

В связи с неплатежеспособностью социального банка клиенты названной кредитной организации 29.11.2013 (на день совершения платежной операции между фондом и обществом) уже не могли свободно распоряжаться денежными средствами, находящимися на их счетах в указанном банке, в том числе не могли

перевести эти средства на счета в иные кредитные организации, получить наличные деньги в кассе социального банка и т.д.

Разрешая спор и отказывая во включении требования фонда в реестр требований кредиторов общества, суды исходили из того, что совершенные кредитной организацией записи о переводе средств между счетами двух клиентов в данном случае не привели к фактическому получению предварительной оплаты обществом.

Судебная коллегия соглашается с этим выводом судов. При отсутствии денежных средств на корреспондентском счете банк не в состоянии реально выполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности, безналичные деньги как записи по счетам утрачивают свое назначение как средство платежа, в связи с чем действительного исполнения договора поставки со стороны покупателя 29.11.2013 не произошло.

В то же время судами не принято во внимание, что в результате банковских проводок, осуществленных в отношении клиентов социального банка без использования корреспондентского счета этого банка, произведена запись о пополнении расчетного счета общества на 21 793 000 рублей. По сути, данные действия являются подтверждением того обстоятельства, что фонд уступил, а общество - владелец расчетного счета - приобрело требование к банку на указанную сумму. Общество как конкурсный кредитор могло реализовать свое право на возмещение 21 793 000 рублей в рамках дела о банкротстве социального банка.

Учитывая, что в деле о банкротстве банка имеется только абстрактная возможность полного удовлетворения требований кредиторов третьей очереди за счет имущества должника (социального банка), нельзя утверждать, что общество получит полное удовлетворение своих требований к банку и за счет этого возместит фонду всю сумму (21 793 000 рублей) по фактически осуществленной уступке требования.

Поэтому судам необходимо было определить реальную рыночную стоимость требования общества к социальному банку, возникшего в результате спорной операции, исходя из этого разрешить заявление фонда, имея в виду вытекающую из п. 3 ст. 423 ГК РФ обязанность общества по оплате фонду фактически уступленного требования к кредитной организации.

Аналогичная правовая позиция изложена в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.06.2014 № 2953/14.

[Определение ВС РФ от 19.03.2018 г. № 302-ЭС17-17018](#)

Доводы кредиторов о ничтожности договоров подлежат рассмотрению по существу в рамках обособленного спора по заявлению кредитора о включении в реестр и не могут быть отвергнуты судами на том основании, что сделки не признаны недействительными в рамках отдельного процесса.

Возражая на заявленные требования кредитора о включении его требований в реестр, иные кредиторы обоснованно указывали, что договоры, заключенные должником и данным аффилированным по отношению к нему кредитором, являются ничтожными сделками, потому как добросовестно действующий должник не заключил бы подобный договор с неаффилированным по отношению к нему кредитором.

Сам по себе факт формального исполнения договора не может быть приведен судами в качестве мотива отклонения приведенных возражений кредиторов, так как суть их возражений сводилась к порочности оснований встречного предоставления.

В п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 "О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" разъяснено, что сделка, нарушающая запрет, установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ, и посягающая на права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна (ст. 168 ГК РФ).

При рассмотрении в деле о банкротстве требования кредитора суд обязан проверить возражения иных участвующих в этом деле лиц о ничтожности сделки (ст.ст. 10 и 168 ГК РФ), на которой основано требование, с целью недопущения включения в реестр необоснованной задолженности (абз. 4 п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)").

Таким образом, доводы кредиторов о ничтожности договоров аренды подлежали рассмотрению по существу в рамках настоящего обособленного спора и не могли быть отвергнуты судами на том основании, что сделки не признаны недействительными в рамках отдельного процесса.

В рассматриваемом случае кредиторы представили ряд доказательств, подтверждающих, по их мнению, ничтожность договоров аренды. Как полагали кредиторы, согласованная в договорах плата за один год аренды превысила стоимость новой техники. На таких условиях ни один добросовестный и разумный арендатор не заключил бы договоры аренды с неаффилированным с ним арендодателем. Шикина В.З. же смогла совершить спорные сделки исключительно благодаря родственным связям. Она осознавала, что ее муж при заключении упомянутых договоров действовал явно в ущерб возглавляемому обществу, в результате чего последнее понесло дополнительные расходы по аренде имущества, многократно превышающие сумму, необходимую для приобретения такого же имущества в собственность. Помимо прочего кредиторы сослались на отчеты об оценке размера арендной платы, а также на предложения самой Шикиной В.З. об уменьшении арендной платы, сделанные ею после прекращения полномочий ее мужа в качестве генерального директора общества, подтверждающие, как полагали кредиторы, явное несоответствие согласованной ранее цены договоров аренды рыночным ставкам.

Сам по себе факт передачи арендованного имущества во владение арендатору не мог быть приведен судами в качестве мотива отклонения приведенных возражений кредиторов, так как суть их возражений сводилась к порочности оснований соответствующей передачи.

В силу ст. 71 Арбитражного процессуального кодекса РФ суд оценивает доказательства в их совокупности и взаимосвязи, осуществляя проверку каждого доказательства, в том числе с позиции его достоверности и соответствия содержащихся в нем сведений действительности.

В нарушение положений названной статьи и ст.ст. 168, 170 АПК РФ суды первой и апелляционной инстанций надлежащим образом не исследовали и не оценивали доказательства, на которые сослались кредиторы в подтверждение своих возражений о недобросовестности Шикиной В.З.

Кредиторы обращали внимание судов на то, что их правовая позиция соотносится со смыслом разъяснений, данных п. 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 "Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации". Однако суды противопоставили возражениям кредиторам право сторон арендной сделки определять ее условия по своему усмотрению исходя из принципа свободы договора. Судебная коллегия не может согласиться с таким подходом. Свобода договора, подразумевающая самостоятельное определение сторонами сделки условий связывающих их обязательств, не означает, что эти стороны могут осуществлять права недобросовестно, причиняя вред иным лицам, не являющимся участниками рассматриваемых договорных отношений.

Суды, упрекнув кредиторов в непредставлении коммерческих предложений, не учли, что такие предложения не являлись единственно допустимым средством доказывания.

[Определение ВС РФ от 19.04.2018 г. № 305-ЭС16-10852 \(4, 5, 6\)](#)

Наличие вексельного долга должно устанавливаться судами по общим правилам доказывания. Так, в случае, если копии векселей не позволяют установить их тождество с оригиналами векселей, это означает, что у судов отсутствует возможность выяснить, являлось ли включенное в текст векселей обещание уплатить определенную сумму простым и ничем не обусловленным, определить конкретное лицо, которому или по приказу которого должен быть совершен платеж (первого векселедержателя), проверить факт наличия на векселях подписи того, кто выдал документ (векселедателя), исследовать вопросы о том, какие именно индоссаменты проставлялись на векселях и кем, являлся ли ряд вексельных индоссаментов последовательным и непрерывным, был ли последний индоссамент бланковым.

При таких обстоятельствах у судов нет оснований для признания вексельных требований доказанными, что, в свою очередь, исключает возможность признания обоснованным требования к должнику как к поручителю исходя из акцессорного характера обязательств последнего.

В рамках дела о банкротстве АО "Петушинский металлический завод" компания "Ливоция ЛТД." обратилась с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника задолженности в размере 855 000 000 руб. вексельного долга.

По итогам повторного рассмотрения судами трех инстанций требования удовлетворены, включены в третью очередь реестра требований кредиторов должника.

В ст. 75 Положения о переводном и простом векселе установлен перечень обязательных реквизитов простого векселя.

Иск векселедержателя о погашении долга по общегражданскому поручительству, выданному в обеспечение исполнения вексельного обязательства, основанный на документе, поименованном векселем, но не отвечающем требованиям к форме и наличию реквизитов, не подлежит удовлетворению судом.

В соответствии с п. 6 совместного постановления пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 04.12.2000 № 33/14 "О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей" держатель векселя обязан представить суду подлинный документ, на котором он основывает свое требование; вместе с тем отсутствие у него векселя само по себе не может служить основанием к отказу в иске, если судом будет установлено, что вексель был передан векселедателю в целях получения платежа и этот платеж не был получен.

Факт передачи векселя для получения платежа допустимо подтверждать соответствующим двусторонним актом. Однако наличие такого акта само по себе не освобождает кредитора от необходимости доказывания обстоятельств, касающихся отсутствия у переданного векселя дефекта формы и наличия непрерывного ряда передаточных надписей. В качестве средства доказывания в этой части может быть использована копия векселя, воспроизводящая оригинал с индоссаменами и другими отметками, содержащимися на документе. Аналогичная правовая позиция изложена Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в постановлении от 03.06.2014 № 13404/13.

В рассматриваемом случае согласно версии, которой на протяжении всего процесса придерживалась компания "Ливоция ЛТД.", в 2012 году по акту приема - векселя были переданы ее правопродшественником торгово-промышленной группе для получения платежа.

В материалы настоящего дела представлены лишь копии векселей, заверенные представителем компании "Ливоция ЛТД.", а также копии, направленные третейским судом в составе копий материалов третейского разбирательства по спору о взыскании 855 000 000 рублей с завода как с поручителя в пользу правопродшественника компании.

Между тем свидетельствование копии документа производится для удостоверения соответствия этой копии подлиннику. Такое свидетельствование возможно в ситуации, когда лицо, учиняющее удостоверительную надпись, обладает подлинником и может проверить тождество копии и оригинала.

Представитель компании "Ливоция ЛТД.", проставляя удостоверительную надпись "копия верна", не располагала подлинниками векселей. По сути, ею была засвидетельствована верность копий с копий векселей. Такие документы в соответствии с ч. 8 ст. 75 АПК РФ не являются доказательствами. Других копий векселей в деле не имеется.

В нарушение положений п. 2 ч. 4 ст. 170 АПК РФ суды не сослались на какие-либо доказательства, на основании которых можно было бы установить соответствие формы и реквизитов спорных векселей требованиям ст. 75 Положения о векселе, выяснить, являлось ли включенное в текст векселей обещание уплатить определенную сумму простым и ничем не обусловленным, определить конкретное лицо, которому или по приказу которого должен быть совершен платеж (первого векселедержателя), проверить факт наличия на векселях подписи того, кто выдал документ (векселедателя), исследовать вопросы о том, какие именно индоссаменты проставлялись на векселях и кем, являлся ли ряд вексельных индоссаментов последовательным и непрерывным, был ли последний индоссамент бланковым или совершен на имя правопродшественника компании либо других лиц.

[Определение ВС РФ от 23.04.2018 г. № 305-ЭС17-6779](#)

1. В условиях конкуренции кредиторов за распределение конкурсной массы для пресечения различных злоупотреблений законодательством и судебной практикой выработаны повышенные стандарты доказывания требований кредиторов. Суды должны проверять не только формальное соблюдение внешних атрибутов документов, которыми кредиторы подтверждают обоснованность своих требований, но и оценивать разумные доводы и доказательства, указывающие на пороки сделок, цепочек сделок (мнимость, притворность и т.п.) или иных источников формирования задолженности.

Сведения об остатке причитающихся аффилированному кредитору денежных средств на банковском счете должника носят, как правило, формальный характер и сами по себе без установления обстоятельств происхождения этого остатка могут быть недостаточны для вывода об обоснованности требований такого кредитора. В этих условиях при установлении требований аффилированного кредитора суды должны содействовать активности конкурирующих кредиторов в целях эффективного пресечения злоупотребления и недопущения недобросовестных лиц к распределению конкурсной массы.

2. Пятнадцатидневный срок для заявления возражений по результатам рассмотрения конкурсным управляющим требования кредитора должника-кредитной организации, установленный п. 5 ст. 189.85 Закона о банкротстве, применим только к самому кредитору-заявителю требования. Так как управляющий должника-кредитной организации уведомляет только кредитора-заявителя о своем решении о включении либо невключении его требований в реестр, иные кредиторы вправе подать свои возражения на требование с момента их реальной или потенциальной осведомленности о нарушенном праве.

Как следует из судебных актов и материалов дела, в 2013 – 2015 годах банк выдал кредиты различным юридическим лицам. 28.07.2015 банк и трест заключили договор об уступке банком тресту прав требования возврата кредитов на сумму 614 634 546,49 руб. за 390 262 183,87 руб. Денежные средства трест перечислил банку со своего счета, открытого в том же банке.

После открытия конкурсного производства в отношении банка конкурсный управляющий банка предложил тресту расторгнуть договор цессии ввиду наличия оснований для оспаривания сделки по признакам подозрительности и предпочтительности. 03.02.2016 конкурсный управляющий банком и трест расторгли договор цессии, после чего банку возвращены уступленные требования к заемщикам на 614 634 546,49 руб., а денежные средства в сумме 390 262 183,87 руб. обратной бухгалтерской проводкой восстановлены на банковском счете треста.

04.02.2016 трест потребовал включить в реестр требований кредиторов банка 390 262 183,87 руб. остатка на счете. Требования треста удовлетворены.

Предприятие, являясь конкурсным кредитором банка, 05.05.2016 направило в суд возражения и потребовало исключить из третьей очереди реестра требований кредиторов банка требования треста на сумму 390 262 183,87 руб. Доводы предприятия мотивированы тем, что остаток на счете сформирован фиктивно, а расторгнув договор уступки права требования, стороны этой сделки злоупотребили правом.

Судами трех инстанций в удовлетворении требований предприятия отказано. Суды исходили из того, что приобретенное по договору уступки право трест оплатил со своего счета, открытого в банке. Результатом расторжения договора цессии стало восстановление уплаченной суммы обратными банковскими проводками на том же счете треста. Требование треста, включенное в реестр требований кредиторов, основано на наличии вышеуказанного остатка денежных средств на счете заявителя, в связи с чем действия конкурсного управляющего не противоречили закону.

По мнению предприятия, банк выдал по существу безвозвратные кредиты, так как заемщиками являлись юридические лица, отвечающие признакам фирм "однодневок". Для сокрытия сведений об этих сделках трест и банк, являясь аффилированными лицами, заключили договор уступки права требований. Оплата уступки произведена внутрибанковской проводкой при отсутствии денежных средств на корреспондентском счете банка и по существу за счет самого же банка. Последующее расторжение договора позволило тресту включиться в реестр и стать доминирующим "дружественным" кредитором, а банк получил заведомо неликвидный актив. Об этих обстоятельствах конкурсный управляющий должен был знать из имеющейся у него документации, заключения временной администрации о финансовом состоянии банка, а также общедоступных сведений.

Кроме того, суды, основываясь на ст. 189.85 Закона о банкротстве, указали на отсутствие у заявителя права подавать возражения на включение в реестр требований иных кредиторов банка, в том числе и в связи с пропуском 15-дневного срока со дня получения кредитором уведомления о результатах рассмотрения требования кредитора и невозможностью его восстановления.

Возможность реализации права на судебную защиту, как правило, законом связывается с моментом осведомленности лица о нарушенном праве и личности нарушителя.

Так, в частности, п. 5 ст. 189.85 Закона о банкротстве установлен 15-дневный срок для заявления возражений по результатам рассмотрения конкурсным управляющим требования кредитора. При этом срок начинается течь со дня получения кредитором уведомления конкурсного управляющего о результатах рассмотрения этого требования. Поскольку конкурсный управляющий уведомляет о своем решении только кредитора-заявителя (п. 4 ст. 189.85 Закона о банкротстве), оснований для применения к прочим кредиторам п. 5 ст. 189.85 Закона о банкротстве не имеется. Прочие кредиторы вправе подать возражения с момента их реальной или потенциальной осведомленности о нарушенном праве.

Предприятие заявляло в судах, что оно узнало о расторжении договора цессии и включении требований треста в реестр на первом собрании кредиторов банка - 15.04.2016. До этого конкурсный управляющий отказывал в ознакомлении с реестром требований кредиторов банка, а иных достоверных источников информации у предприятия не было. Эти сведения не опровергнуты. Следовательно, вопреки выводам судов, предприятие вправе подать возражения на включение в реестр, реализовало свое право и его возражения должны быть рассмотрены по существу.

Определение ВС РФ от 27.04.2018 г. № 305-ЭС17-2344 (12)

В случае, если требование было заявлено кредитором с пропуском срока для предъявления требований, суд не может отказать в его установлении. При рассмотрении по существу подобное требование не подлежит включению в реестр требований кредиторов должника, однако подлежит включению "за реестр".

При этом, в случае, если кредитор пропустил срок предъявления требования в связи с злоупотреблениями арбитражного управляющего, то срок предъявления требования не может считаться пропущенным, так как кредитор добросовестно заблуждался относительно объема своих требований к должнику.

До закрытия реестра компания обратилась к ГК "АСВ" с требованием о включении в реестр остатка денежных средств на расчетном счете и неустойки, начисленной на данный остаток. Впоследствии кредитор после закрытия реестра уточнил требования по остатку на расчетном счете, увеличив их размер. Также после закрытия реестра управляющему поступило требование компании о включении в реестр задолженности по банковским гарантиям.

В связи с тем, что конкурсный управляющий отказал во включении требований в реестр, компания обратилась в суд с заявлениями о возражениях. При этом на стадии судебного разбирательства кредитор увеличил требование по остатку на расчетном счете.

Суды сочли, что требования по банковским гарантиям являются обоснованными, однако отказал в их включении, поскольку данные требования заявлены в адрес конкурсного управляющего после закрытия реестра.

Относительно требований по остатку на расчетном счете суды пришли к выводу, что обоснованными и подлежащими включению в реестр они являются только в той части, в которой заявлены до закрытия данного реестра по основной сумме задолженности и без учета финансовых санкций и иных процентов, права на которые суды сочли не возникшими.

Остальные требования, как и задолженность по банковским гарантиям, суды квалифицировали как заявленные после закрытия реестра, то есть как не подлежащие включению в него.

Между тем судами не учтено следующее.

Заявление о включении требований в реестр первоначально подается кредитором в адрес конкурсного управляющего кредитной организации, который проверяет обоснованность данных требований исходя из представленных документов (ст. 189.85 и 189.87 Закона о банкротстве).

Согласно п. 2 ст. 189.85 Закона о банкротстве конкурсный управляющий устанавливает срок предъявления требований кредиторов (срок закрытия реестра), который не может быть менее 60 дней со дня опубликования сообщения о признании кредитной организации банкротом.

Суды отказали в установлении заявленных с пропуском срока требований лишь по тому основанию, что они предъявлены после закрытия реестра. Однако, как следует из вышеизложенного, названный вывод ошибочен. Первоначально суд должен был проверить наличие и размер требования компании и, в случае его обоснованности, включить названное требование "за реестр" (п. 11 ст. 189.96 Закона о банкротстве), а не отказывать в его установлении.

Кроме того, компания на протяжении рассмотрения обособленного спора ссылалась на то, что увеличенные требования заявлены после закрытия реестра ввиду отсутствия у компании актуальных и достоверных сведений по остатку на расчетном счете. Увеличение же требования до 517 млн. руб. только на стадии судебного разбирательства произведено компанией исключительно ввиду недобросовестных действий конкурсного управляющего, который долгое время уклонялся от представления актуальной выписки по остатку на счете.

Если обстоятельства, на которые ссылается компания, соответствуют действительности, и она на самом деле добросовестно заблуждалась относительно объема своих требований к банку, срок предъявления требований не мог считаться пропущенным.

Залог и поручительство при банкротстве.

Определение ВС РФ от 26.03.2018 г. № 310-ЭС16-6059

1. Разрешая спор между управляющим и кредиторами о распределении денежных средств от реализации предмета залога, суды обоснованно пришли к выводу, что приоритет имеют кредиторы по обязательствам, вытекающим из более раннего кредитного договора, поскольку срок исполнения обязательств перед ними наступил раньше, п. 3 ст. 63 Закона о банкротстве, закрепляющий фикцию наступления срока платежа с момента введения процедуры наблюдения и наделяющая кредиторов по требованиям с не наступившим сроком исполнения правом на участие в деле о банкротстве, не изменяет сложившуюся очередность удовлетворения требований залогодержателей.

2. Вступая на добровольной основе в договорные отношения, касающиеся выдачи государственной гарантии, Банк не мог не осознавать особый характер этих правоотношений и должен был исходить из того, что он не только приобретет преимущества, но и уступит Российской Федерации свои требования по правилам об обычной цессии, т.е. с одновременной уступкой прав по ипотечным сделкам (залоговым обеспечением).

1. Закон об ипотеке допускает залог одного и того же недвижимого имущества в обеспечение исполнения нескольких обязательств, вытекающих из разных договоров.

В этом случае, если залогодержателем по обеспечиваемым обязательствам является одно и то же лицо, общие положения п. 1 ст. 43 Закона об ипотеке, касающиеся определения старшинства залогов исходя из момента возникновения обременения, не применяются. В подобной ситуации требования, обеспеченные каждой из ипотек, в силу прямого указания п. 5 ст. 46 Закона об ипотеке удовлетворяются в порядке очередности, соответствующей срокам исполнения соответствующих обязательств, если федеральным законом или соглашением сторон не предусмотрено иное.

Применительно к обстоятельствам настоящего дела залогодержателем зарегистрированных в качестве недвижимости социально-значимых объектов и железнодорожного пути, а также права аренды земельного участка, изначально являлось одно и то же лицо – Сбербанк. При этом залогодатель и залогодержатель не подписывали соглашение, которым бы они устанавливали какую-либо очередность погашения за счет стоимости заложенного имущества нескольких денежных обязательств перед Сбербанком, вытекающих из кредитных договоров 2009 и 2012 годов.

Поэтому в течение всего периода, пока Сбербанк оставался единственным залогодержателем, выручка от реализации заложенного имущества подлежала направлению сначала на погашение обязательств, срок исполнения которых наступит первым (обязательств из кредитного договора 2009 года), и в оставшейся части – на погашение обязательств с более поздним сроком исполнения (обязательств из кредитного договора 2012 года). Очередность удовлетворения требований Сбербанка никогда не определялась ни тем, когда с ним были заключены договоры об ипотеке, ни тем, в какое время в один из этих договоров внесены изменения, распространившие залог на необеспеченные ранее обязательства перед названной кредитной организацией.

Последующие цессии не изменили очередность погашения требований по двум кредитным договорам. Так, по общему правилу п. 1 ст. 384 ГК РФ требование первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода требования. Учитывая, что при уступке Сбербанком (кредитором - цедентом) части своих прав по кредитным договорам третьим лицам - цессионариям (с одновременной уступкой им же прав по ипотечным сделкам) указанные

лица не определили иную очередность, в которой ипотека обеспечивает исполнение должником обязательств по кредитным договорам 2009 и 2012 годов, требования, обеспеченные ипотекой, подлежали удовлетворению из суммы, вырученной от реализации заложенного имущества, в прежней очередности – исходя из сроков исполнения обязательств по двум кредитным договорам (п. 5 ст. 46 Закона об ипотеке).

Судебной коллегией отклоняются доводы представителей общества "ФасонЛит", дополнительно изложенные в судебном заседании, о том, что в связи с возбуждением в отношении завода дела о банкротстве, срок исполнения обязательств по обоим кредитным договорам считается наступившим одновременно – со дня введения процедуры наблюдения (п. 3 ст. 63 Закона о банкротстве), а потому, как полагает общество "ФасонЛит", требования кредиторов по кредитным договорам 2009 и 2012 годов, обеспеченные ипотекой, подлежали удовлетворению из суммы, вырученной от реализации предмета ипотеки, пропорционально размеру этих требований.

Приведенная норма Закона о банкротстве, закрепляющая фикцию наступления срока платежа с момента введения процедуры наблюдения и тем самым наделяющая кредиторов по требованиям с не наступившим сроком исполнения правом на участие в деле о банкротстве, не изменяет сложившуюся очередность удовлетворения их требований как залогодержателей.

2. С 01.01.2008 вступили в силу изменения, внесенные в Бюджетный кодекс РФ Федеральным законом от 26.04.2007 № 63-ФЗ "О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации".

С этого времени законодатель прямо урегулировал вопросы, касающиеся, в частности, последствий исполнения публично-правовым образованием государственных гарантий, выданных после 31.12.2007. Согласно новому законодательному регулированию (п. 5 и 12 ст. 115 Бюджетного кодекса РФ) соответствующие отношения определяются условиями предоставления гарантии, содержанием самой гарантии и могут заключаться в следующем:

в возникновении у гаранта регрессного требования к принципалу о возмещении сумм, уплаченных гарантом бенефициару;

выплаты по государственной гарантии лишь при условии уступки бенефициаром гаранту на основании договора требования к принципалу;

в безвозвратной выплате по государственной гарантии, которая покрывается доходами бюджета и в дальнейшем не компенсируется за счет каких-либо иных источников (гарантии, не предусматривающие регрессного требования гаранта к принципалу и не обусловленные уступкой гаранту требования бенефициара.

Таким образом, с 01.01.2008 законодателем определены особенности государственных гарантий, не позволяющие отождествлять их с поручительством. В связи с этим п. 4 постановления № 23 дополнен абзацами 6 – 7, в которых разъяснено, что с 01.01.2008 существенно сужена сфера применения норм ГК РФ о договоре поручительства в порядке аналогии закона к правоотношениям, возникающим в связи с государственными гарантиями, выданными после 31.12.2007; права публично-правового образования, исполнившего такую государственную гарантию, определяются в зависимости от того, предусматривалось ли гарантией регрессное требование, и было ли обусловлено исполнение государственной гарантии уступкой гаранту требования бенефициара.

Применительно к государственным гарантиям с обусловленным исполнением обязательства гарантом возврат средств федерального бюджета, выплаченных бенефициару по таким гарантиям, осуществляется согласно Бюджетному кодексу с использованием гражданско-правового механизма уступки Российской Федерации на основании договора требования бенефициара. Избранный законодателем механизм защиты прав Российской Федерации отличен от перехода прав кредитора по обязательству вследствие его исполнения поручителем и не налагает на цессионария ограничения, описанные в абз. 2 п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2006 № 23 "О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации" (прямо закрепленные в настоящее время в п. 4 ст. 364 ГК РФ).

В рассматриваемом споре исполнение Министерством финансов РФ обязательства по выплате денежных средств бенефициару было обусловлено заключением этим бенефициаром договора уступки Российской Федерации его требования к принципалу в размере исполнения. Такое условие включено как в

договор о предоставлении государственной гарантии от 31.12.2009, заключенный Российской Федерацией в лице Минфина России со Сбербанком, так и в текст самой банковской гарантии от 31.12.2009. Исходя из данного условия для получения платежа по гарантии Сбербанк 28.11.2012 заключил с Российской Федерацией договор цессии, по которому со ссылкой на ст. 384 ГК РФ уступил требование к заводу в размере 1 649 500 000 рублей по основному долгу с одновременной уступкой прав по ипотечным сделкам.

Сбербанк, вступая на добровольной основе в договорные отношения, касающиеся выдачи государственной гарантии, не мог не осознавать особый характер этих правоотношений и должен был исходить из того, что он не только приобретет преимущества, но и уступит Российской Федерации свои требования по правилам об обычной цессии. В таком же положении находится и общество "ФасонЛит" как правопреемник Сбербанка.

Таким образом, спорная выручка подлежала распределению между обществом "ФасонЛит" и Российской Федерацией, получившими требования Сбербанка к заводу на основании договоров цессии, пропорционально размеру их требований.

[Определение ВС РФ от 09.04.2018 г. № 308-ЭС17-20281](#)

Залоговый кредитор может получить удовлетворение за счет всего объема вырученного от реализации предмета залога (с учетом удержания соответствующей части, указанной в ст. 138 Закона о банкротстве), если при установлении требования, полностью обеспеченного залогом, в реестре кредиторов такие требования учтены как обеспеченные залогом в части оценочной стоимости предмета залога.

Требование залогового кредитора о возврате части перечисленных денежных средств за оставленный за собой предмет залога (в размере разницы между включенными в реестр требованиями кредитора и стоимостью залогового имущества, исчисленной по правилам законодательства о банкротстве) не может рассматриваться как отказ кредитора от статуса залогодержателя в соответствующей части.

Конкурсный управляющий ЗАО "Строительное управление – 5" обратился в суд с заявлением о разрешении разногласий, возникших между ним и банком относительно обязанности кредитной организации по внесению в конкурсную массу разницы между стоимостью реализованного заложенного имущества и размером ранее установленного судом требования банка как залогового кредитора.

Судом первой инстанции на конкурсного управляющего возложена обязанность возвратить со специального счета должника внесенные залоговым кредитором денежные средства в размере 1 513 562 рублей. Судами апелляционной и кассационной инстанций в удовлетворении требований отказано, указано на отсутствие оснований для возврата спорной суммы залоговому кредитору.

Судом первой инстанции требование банка включено в четвертую очередь реестра требований кредиторов общества в размере 207 918 043, 18 руб., в том числе 42 477 000 руб. признаны подлежащими включению в реестр как обеспеченные залогом имущества должника.

В дальнейшем требование банка было частично погашено за счет реализации заложенного имущества. непогашенная сумма требования, учтенного в реестре в качестве залогового, составила 39 699 400 руб. Затем в отношении нереализованной части заложенного имущества банк принял решение об оставлении его за собой. Цена, по которой банк оставил имущество за собой, исчисленная по правилам законодательства о банкротстве, составила 41 212 962 руб.

Банк сверх 20 процентов выручки, указанных в п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве, перечислил должнику 1 513 562 рубля – разница между стоимостью принятого банком заложенного имущества (41 212 962 рубля) и учтенным в реестре непогашенным залоговым требованием (39 699 400 рублей).

Впоследствии он обратился к конкурсному управляющему с заявлением о возврате 1 513 562 рублей как ошибочно перечисленных. Конкурсный управляющий эту сумму не вернул и передал возникшие разногласия на разрешение суда.

Суд апелляционной инстанции ошибочно посчитал, что имел место добровольный отказ банка - залогодержателя от обеспечения по требованию в части, превышающей 42 477 000 рублей. Данный вывод суда мотивирован тем, что именно в этом размере залоговое требование банка ранее было установлено вступившим в законную силу судебным определением.

На стадии рассмотрения вопроса об обоснованности требования залогового кредитора оценочная стоимость заложенного имущества принимается во внимание, но она носит, по своей сути, учетный характер и применяется в дальнейшем для целей отражения требования залогового кредитора в реестре, определения объема его прав при голосовании на собраниях кредиторов должника и при принятии решений в рамках процедур банкротства.

Обязательство же должника признается обеспеченным залогом в целом независимо от упомянутой учетной оценки (за исключением случая, когда обязательство обеспечивалось залогом не в полном объеме).

Суд первой инстанции верно установил, что согласно условиям обеспечительных сделок требование банка в полном объеме обеспечено залогом имущества общества. Окончательная стоимость заложенного имущества для целей проведения расчетов с залоговым кредитором сформировалась в момент его реализации. Продажа данного имущества по цене, превышающей первичную оценочную стоимость, не изменила объем реально погашаемых требований залогового кредитора, который по-прежнему зависел от фактической выручки и не ограничивался первичной оценкой. При этом залоговый кредитор не должен был предпринимать меры для изменения учетной оценочной стоимости предмета залога, включенной в реестр требований кредиторов залогодателя. Соответствующие действия надлежало осуществить арбитражному управляющему самостоятельно, без обращения в суд, рассматривающий дело о банкротстве.

Банк не делал в какой-либо форме заявлений о том, что он желает получить удовлетворение за счет имущества, переданного в залог, лишь в части задолженности. Само по себе перечисление им 1 513 562 руб. на счет должника не свидетельствует об отказе кредитной организации от статуса залогодержателя в соответствующей части.

В данном случае расхождение в результатах оценки заложенных объектов на стадии установления требования кредитной организации и при определении их начальной продажной цены, повлиявшей, в свою очередь, на определение цены, по которой имущество передано банку-залогодержателю, следует признать находящимся в пределах нормальной погрешности оценки. Судом нижестоящих инстанций не были выявлены признаки злоупотребления правом в действиях кредитной организации.

[Определение ВС РФ от 16.04.2018 г. № 305-ЭС16-10864](#)

При разрешении вопроса о том, находится ли объект долевого строительства в залоге у бывшего участника долевого строительства (при включении требований последнего в реестр требований кредиторов застройщика), необходимо учитывать, что такое требование фактически направлено против последующего участника долевого строительства, заключившего договор с застройщиком после правомерного отказа предыдущего участника от договора долевого строительства, в связи с чем последующий участник долевого строительства должен быть привлечен в обособленный спор в качестве соответчика.

Бывший участник долевого строительства, желая сохранить за собой право залога на объект долевого строительства, должен доказать наличие злоупотреблений со стороны застройщика и последующего участника долевого строительства при заключении нового договора.

В рамках дела о банкротстве должника-застройщика бывший участник долевого строительства Разина М.В. обратилась в суд с заявлением о включении ее денежного требования в реестр требований кредиторов и признании за ней статуса залогового кредитора.

Судами трех инстанций заявление кредитора удовлетворено частично: признаны обоснованными денежные требования Разиной М.А. в общем размере 1 663 361,66 руб. как обеспеченные залогом недвижимого имущества должника – квартиры.

Во исполнение условий договора долевого строительства Разина М.В. уплатила обществу 1 319 245,41 руб. Договор был зарегистрирован в установленном законом порядке.

Впоследствии Разина М.В. в одностороннем порядке отказалась от исполнения договора в связи неисполнением застройщиком обязательства по передаче квартиры в оговоренный срок, потребовала возврата уплаченной суммы и выплаты процентов, начисленных на эту сумму.

Затем в отношении указанной квартиры был заключен новый договор участия в долевом строительстве с другим лицом – с Золотухиным К.В., зарегистрированный 06.05.2015.

04.06.2015 г. в отношении должника-застройщика введена процедура наблюдения.

Полагая, что у Разиной М.В. как у участника строительства сохранилось право залога в отношении создаваемого объекта (квартиры), возникшее в силу ст. 13 Закона об участии в долевом строительстве, суды признали ее залогодержателем квартиры.

Возражения относительно возникновения права на получение спорной квартиры на стороне третьего лица – Золотухина К.В. – отклонены судами со ссылкой на разъяснения, содержащиеся в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 58 "О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя", наличие у должника заложенного объекта в натуре и отсутствие доказательств невозможности обращения взыскания на него.

В этой части судами не учтено следующее.

Если один участник строительства правомерно отказался от исполнения договора долевого участия в строительстве, после чего был заключен новый договор в отношении этой же квартиры с другим лицом, по общему правилу ч. 8 ст. 13 Закона об участии в долевом строительстве после завершения строительства квартира передается новому участнику свободной от прав первого участника строительства: передача квартиры второму участнику строительства влечет за собой возникновение на стороне фактического владельца права собственности, не обремененного ипотекой в пользу первого участника строительства. Однако в силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного или недобросовестного поведения. Поэтому в ситуации злоупотребления правом на заключение второго договора долевого участия в строительстве обеими его сторонами, то есть когда основной целью последующей сделки стало не привлечение средств для завершения строительства, а лишение первого участника обеспечения в интересах застройщика, в момент регистрации права собственности за недобросовестным субъектом возникнет залоговое обременение, так как в этом случае получение правового титула собственника вторым участником направлено на обход положений Закона об участии в долевом строительстве об основаниях и моменте возникновения залога (ст. 10 ГК РФ).

Разрешая обособленный спор в части признания за Разиной М.В. статуса залогового кредитора, суды не установили факт регистрации права собственности должника на эту квартиру. На наличие такой регистрации не ссылались и участники обособленного спора в судебном заседании.

Таким образом, суть разногласий свелась не к установлению залога в отношении имущества (квартиры) общества (застройщика), который в настоящее время не возник, а к признанию за Разиной М.В. права на залоговое обременение на случай передачи застройщиком квартиры Золотухину К.В. (возникновения у него первичного права собственности).

В обоснование своей позиции Разина М.В. ссылалась на злоупотребление правом со стороны застройщика и последующего (второго) участника долевого строительства. Эти доводы Разиной М.В. судами не проверены, равно как и возражения Золотухина К.В. При этом Золотухин К.В. не был привлечен к участию в обособленном споре в качестве соответчика, несмотря на то, что требование Разиной М.В. фактически обращено против него.

Оспаривание сделок должника.

[Определение ВС РФ от 12.03.2018 г. № 307-ЭС17-21349](#)

При взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами на сумму, подлежащую возврату в конкурсную массу в результате признания расчетной операции должника недействительной, подлежит применению годичный срок исковой давности, так как положения о неосновательном обогащении применяются субсидиарно по отношению к правилам о реституции.

Конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с иском к банку о взыскании 12 849 495 рублей 15 копеек процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных за период с 06.07.2009 по 13.10.2016.

Как разъяснено в п. 29.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", в случае признания на основании ст. 61.2 Закона о банкротстве недействительными действий должника по уплате денег на сумму, подлежащую возврату должнику, на основании п. 2 ст. 1107 ГК РФ

подлежат начислению проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 названного Кодекса).

Момент, с которого начисляются данные проценты, зависит от того, когда кредитор узнал или должен был узнать об основаниях недействительности сделки.

Окружной суд по делу о банкротстве общества удовлетворил требования о признании сделок и расчетной операции недействительными, приняв во внимание осведомленность банка в момент их совершения о противоправной цели причинения вреда кредиторам (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

Поэтому конкурсный управляющий действительно вправе был потребовать выплаты процентов с момента перечисления средств банку. Однако доводы управляющего о том, что проценты подлежали взысканию без учета срока исковой давности, являются несостоятельными. В соответствии со ст. 195 ГК РФ судебная защита гарантируется лишь в пределах срока исковой давности.

Рассматривая вопрос о том, какой срок давности применим к заявленному по настоящему делу требованию о выплате процентов, суды сочли, что коль скоро в разъяснении, изложенном в п. 29.1 постановления № 63, имеется ссылка на ст. 1107 ГК РФ, то упомянутое требование является самостоятельным иском о взыскании неосновательного обогащения, на которое распространяется трехлетний срок исковой давности.

Данный вывод судов ошибочен.

В ситуации признания платежа недействительным положения гл. 60 ГК РФ о неосновательном обогащении применяются subsidiarily по отношению к правилам о реституции (пп. 1 ст. 1103 ГК РФ). При этом иск о взыскании процентов, заявленный со ссылкой на п. 29.1 постановления № 63, является частью требования, направленного на устранение последствий исполнения недействительной оспоримой сделки (расчетной операции). Конкурсный управляющий имел возможность заявить его одновременно с требованиями о признании недействительными договоров поручительства, платежа по этим договорам и о возврате суммы, перечисленной по недействительным сделкам (операциям).

С учетом изложенного к спорным отношениям подлежал применению годичный срок исковой давности, установленный п. 2 ст. 181 ГК РФ.

[Определение ВС РФ от 12.03.2018 г. № 305-ЭС17-17342](#)

Заявление об оспаривании сделки по отчуждению активов юридического лица, подконтрольного гражданину-банкроту, в пользу заинтересованных по отношению к последнему лиц подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве гражданина, в связи с уменьшением за счет такой сделки конкурсной массы гражданина и причинением сделкой вреда имущественным правам кредиторов. При этом необходимо учитывать, что перечень, указанный в п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63, где перечислены виды сделок, совершенные не должником, а другими лицами за счет должника, которые могут быть признаны недействительными, не исчерпывающий. При рассмотрении споров данной категории для выравнивания процессуальных возможностей сторон судам надлежит оказывать содействие в реализации процессуальных прав кредиторов.

В п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" перечислены виды сделок, совершенные не должником, а другими лицами за счет должника, которые могут быть признаны недействительными.

Судебная коллегия полагает, что суды при квалификации сделок по отчуждению долей в обществе необоснованно ограничились буквальным содержанием перечня, установленного в п. 2 постановления № 63.

Во-первых, перечень не исчерпывающий и в нем даны лишь некоторые виды сделок, общим признаком которых является их направленность на уменьшение имущественной массы должника посредством действий не самого должника, а иных лиц.

Во-вторых, без внимания судов и судебной оценки остались доводы кредиторов о том, что, учитывая долю участия Дмитриева В.Е. в компании "Сэндрок" и структуру уставного капитала общества, Дмитриев В.Е. по существу прикрывался корпоративной формой юридического лица (компанией "Сэндрок" и бюро) для владения и управления своим ликвидным имуществом - мажоритарной долей участия в обществе.

Величина встречного предоставления по сделкам, как и сам факт возмездности отчуждения долей в обществе не раскрыты заинтересованными лицами, что в совокупности со статусом покупателей долей

(родственниками Дмитриева В.Е.) и предбанкротным состоянием последнего дало кредиторам достаточные основания полагать, что вследствие исполнения сделок, воля на совершение которых формировалась Дмитриевым В.Е., имущество не выбыло из-под его фактического контроля, следовательно данные сделки совершены за счет Дмитриева В.Е. исключительно с целью причинения вреда кредиторам (в том числе и за счет уменьшения стоимости самой компании "Сэндрок").

При доказанности указанных доводов кредиторов вывод нижестоящих судов о том, что сделки совершены не в отношении имущества должника или не за счет должника, преждевременен.

Судебная коллегия также обращает внимание на то, что институт оспаривания сделок должника представляет собой правовую гарантию, предоставляющую кредиторам действенный механизм наполнения конкурсной массы должника за счет неправомерно отчужденного имущества последнего. При наличии у должника или сторон этих сделок взаимного интереса по сокрытию обстоятельств и действительных целей сделок кредиторы, оспаривающие сделки, объективно ограничены в возможностях по доказыванию обстоятельств сделок, в которых они не участвовали. Следовательно, при рассмотрении споров данной категории для выравнивания процессуальных возможностей сторон и достижения задач судопроизводства, установленных в ст. 2 АПК РФ, арбитражным судам надлежит оказывать содействие в реализации процессуальных прав кредиторов (в том числе предусмотренных п. 4 ст. 66 АПК РФ), создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела (п. 3 ст. 9 АПК РФ).

[Определение ВС РФ от 14.03.2018 г. № 310-ЭС17-19733](#)

Разъяснения, изложенные в п. 29.1 постановления Пленума ВАС РФ № 63 от 23.12.2010, предоставляют возможность начисления процентов за пользование чужими денежными средствами (а также договорных процентов) на сумму признанного недействительным денежного исполнения должника. Проценты в данном случае подлежат начислению с момента признания сделки недействительной. Обязанность уплаты таких процентов лежит на кредиторе-ответчике. Если сделка будет признана недействительной по заявлению самого кредитора, впоследствии подавшего заявление о взыскании задолженности по восстановленному требованию, указанные специальные разъяснения применению не подлежат. В таком случае кредитор вправе требовать уплаты начисленных процентов и пени за ненадлежащее исполнение должником условий договора за весь период, а не с даты вступления в законную силу судебного акта о признании сделки недействительной.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 29.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 "О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)", если суд признал на основании ст. 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве недействительными действия должника по уплате денег, то проценты за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) на сумму, подлежащую возврату кредитором должнику, на основании п. 2 ст. 1107 ГК РФ подлежат начислению с момента вступления в силу определения суда о признании сделки недействительной, если не будет доказано, что кредитор узнал или должен был узнать о том, что у сделки имеются основания недействительности в соответствии со ст. 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве, ранее признания ее недействительной - в последнем случае указанные проценты начисляются с момента, когда он узнал или должен был узнать об этом. По аналогичным правилам определяется момент, с которого начисляются предусмотренные законом (например, ст. 395 ГК РФ) или договором проценты (с учетом статей 4 и 126 Закона о банкротстве) на восстановленное требование кредитора.

Данные разъяснения предоставляют возможность начисления процентов за пользование чужими денежными средствами (а также договорных процентов) на сумму признанного недействительным денежного исполнения. Обязанность уплатить подобные проценты по смыслу названного пункта лежит на кредиторе, выступающем в качестве ответчика и обязанном осуществить возврат полученного предоставления.

В рассматриваемом же случае кредитор (банк) является истцом, а предметом спора является взыскание кредитной задолженности и процентов за пользование кредитом.

Следовательно, каких-либо оснований для применения п. 29.1 постановления № 63 к правоотношениям банка и общества, в которых банк является кредитором по обязательству, а не должником,

не имеется. Кроме того, общество даже не является стороной сделки, признанной недействительной в рамках дела о банкротстве банка.

В связи с этим вывод суда округа о необходимости применения при разрешении настоящего дела особого порядка исчисления процентов ошибочен.

Согласно общим положениям о последствиях недействительности сделки недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения (п. 1 ст. 167 ГК РФ).

Аналогичное правило о последствиях недействительности сделки содержится и в специальных нормах Закона о банкротстве.

В абз. 2 п. 25 постановления № 63 разъяснено, что в случае признания на основании ст. 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве недействительными действий должника по уплате денег, передаче вещей или иному исполнению обязательства, а также иной сделки должника, направленной на прекращение обязательства (путем зачета встречного однородного требования, предоставления отступного или иным способом), обязательство должника перед соответствующим кредитором считается восстановленным с момента совершения недействительной сделки, а право требования кредитора по этому обязательству к должнику считается существовавшим независимо от совершения этой сделки (абз. 1 п. 4 ст. 61.6 Закона о банкротстве).

Учитывая изложенное, судебная коллегия соглашается с выводами судов первой и апелляционной инстанций о том, что в связи с признанием недействительной сделки по списанию денежных средств в счет погашения долга по кредитному договору обязательства заемщика перед банком являются неисполненными и банк, помимо возврата суммы основного долга, вправе требовать уплаты начисленных процентов и пени за ненадлежащее исполнение заемщиком условий кредитного договора за весь период, а не с даты вступления в законную силу судебного акта о признании сделки недействительной.

[Определение ВС РФ от 29.03.2018 г. № 305-ЭС17-19849](#)

Для решения вопроса о том, можно ли квалифицировать дарение как сделку, направленную на сокрытие активов от обращения взыскания кредиторами, необходимо определить, имелись ли на момент совершения сделки у должника-гражданина кредиторы, о которых он должен был знать, то есть значение имеет субъективная добросовестность должника при дарении имущества заинтересованному лицу.

Стороны предварительного договора купли-продажи согласились, что вносимая покупателем сумма является задатком, то есть в силу статей 380 и 381 ГК РФ на данную сумму распространяется специальный правовой режим, связанный с неисполнением одной из сторон предварительного договора своих обязательств, а именно с незаключением основного договора по вине одной из сторон.

Как установили суды, договор дарения от 20.05.2013 был заключен после истечения срока на заключение основного договора (30.04.2013). Таким образом, для решения вопроса о том, можно ли квалифицировать дарение как сделку, направленную на сокрытие активов от обращения взыскания кредиторами (п. 10 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127 "Обзор практики применения арбитражными судами ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации"), необходимо определить, имелись ли на момент совершения сделки у Глуховой Е.М. кредиторы, о которых она должна была знать, то есть значение имеет субъективная добросовестность Глуховой Е.М. при дарении участка дочери.

Нельзя согласиться с выводами судов о том, что обязательство по возврату 490 000 долларов США как неосновательного обогащения возникло в момент вынесения Московским областным судом в 2014 году определения, которым констатирована незаключенность предварительного договора. Коль скоро данный предварительный договор признан незаключенным, то, как правильно отмечал финансовый управляющий, обязанность по возврату неосновательного обогащения возникла в момент получения Глуховой Е.М. денег.

Вместе с тем из поведения сторон предварительного договора очевидно следует, что до вынесения Московским областным судом соответствующего определения они исходили из того, что данный предварительный договор заключен и действителен, в связи с чем имеют юридическую силу те его условия, которые касались квалификации внесенных Шелудяковой С.А. денежных средств как задатка. В частности, данный вывод следует из того, что предметом иска по делу, рассмотренному Московским областным судом,

являлось требование Шелудяковой С.А. о взыскании с Глуховой Е.М. суммы задатка в двойном размере, то есть между сторонами отсутствовало недопонимание относительно статуса денежных средств.

Следовательно, выяснение вопроса о добросовестности (или злоупотреблении) Глуховой Е.М. при совершении дарения необходимо осуществлять исходя из специального правового режима задатка как способа обеспечения исполнения обязательств.

В частности, согласно п. 2 ст. 381 ГК РФ, если за неисполнение договора ответственна сторона, давшая задаток, он остается у другой стороны.

Как пояснили в судебном заседании представитель должника и Солнышкова О.В., Глухова Е.М. полагала, что основной договор купли-продажи спорного имущества не был заключен в срок до 30.04.2013 по вине покупателя, который не предпринимал встречных действий по заключению договора, не являлся на переговоры и прочее. Ни представитель покупателя, ни финансовый управляющий в судебном заседании названные факты не опровергли.

Коль скоро у Глуховой Е.М. имелись основания полагать, что основной договор купли-продажи не заключен по вине Шелудяковой С.А., она вправе была сделать и вывод, что сумма задатка осталась за ней.

Таким образом, заключая договор дарения, она имело право добросовестно исходить из отсутствия обязательств перед Шелудяковой С.А., то есть вправе была свободно распоряжаться принадлежащим ей имуществом по своему усмотрению.

Учитывая изложенное, следует согласиться с выводами судов об отсутствии в действиях Глуховой Е.М. и ее дочери Солнышковой О.В. признаков злоупотребления правом по смыслу ст. 10 ГК РФ.

[Определение ВС РФ от 30.03.2018 г. № 305-ЭС17-19041\(1,2\)](#)

Для признания мирового соглашения недействительной сделкой на основании ст. 61.3 Закона о банкротстве требуется установление реальной или потенциальной осведомленности кредитора об обстоятельствах, позволявших сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества должника. При решении вопроса об осведомленности кредитора во внимание принимаются его возможности как разумного и осмотрительного участника оборота по установлению этих обстоятельств. Помимо прочего может быть принято во внимание, что с учетом характера сделки, личности кредитора и условий оборота проверка сведений о должнике должна была осуществляться в том числе по информации, размещенной в открытом доступе в картотеке арбитражных дел.

В соответствии с ч. 2 ст. 138, п. 3 ст. 139 АПК РФ стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение. Мировое соглашение не может нарушать права и законные интересы других лиц и противоречить закону.

Согласно ч. 5 ст. 49, ч. 6 ст. 141 АПК РФ арбитражный суд не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

Если конкурсные кредиторы полагают, что их права и законные интересы нарушены мировым соглашением, утвержденным судом по другому делу в исковом процессе, в частности, если такое соглашение обладает признаками, указанными в ст. 61.3 Закона о банкротстве, то на этом основании они вправе обжаловать определение об утверждении такого мирового соглашения (п. 1 постановления № 63).

Недействительной может быть признана сделка, во исполнение которой должник не ранее чем за шесть месяцев и не позднее чем за один месяц до принятия судом заявления о его банкротстве удовлетворил требования одного из кредиторов с предпочтением перед другими (п. 1 ст. 61.1, пп. 1, 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве).

Сделка, направленная на исполнение обязательств (в частности зачет), квалифицируется как сделка, которая привела к тому, что отдельному кредитору оказано или может быть оказано большее предпочтение в отношении удовлетворения требований, существовавших до совершения оспариваемой сделки, чем было бы оказано в случае расчетов с кредиторами в порядке очередности в соответствии с законодательством Российской Федерации о банкротстве (абз. 5 п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве, п. 12 постановления № 63).

Для признания такой сделки недействительной помимо прочего требуется установление реальной или потенциальной осведомленности кредитора об обстоятельствах, позволявших сделать вывод о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества должника. При решении вопроса об осведомленности кредитора во внимание принимаются его возможности как разумного и осмотрительного

участника оборота по установлению этих обстоятельств. Помимо прочего может быть принято во внимание, что с учетом характера сделки, личности кредитора и условий оборота проверка сведений о должнике должна была осуществляться в том числе по информации, размещенной в открытом доступе в картотеке арбитражных дел (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, п. 12 постановления № 63).

Таким образом, закон установил правовой механизм, лишаящий кредитора, осведомленного в неблагоприятном финансовом положении должника, возможности получить исполнение от должника в приоритетном порядке. Неосмотрительные действия такого кредитора по принятию исполнения с предпочтением влекут для него риск наступления последствий, связанных с возвратом полученного в конкурсную массу и понижением очередности удовлетворения его требований (п. 2 ст. 61.6 Закона о банкротстве).

Оспаривая мировое соглашение, банк и страховая компания указали, что оно утверждено в период срока подозрительности сделок должника, совершенных с предпочтением. Это обстоятельство не проверялось ни обществом, ни компанией.

Кроме того, конкурсные кредиторы указывали на признаки предпочтительности, имеющиеся в мировом соглашении - удовлетворение требований общества к компании посредством зачета встречных однородных требований компании к обществу. Сведения о зачете содержатся в тексте самого мирового соглашения и изложены буквально.

Указывая на осведомленность общества о финансовом состоянии компании, кредиторы сослались на открытые источники информации (картотеку арбитражных дел), где отражены сведения о многочисленных судебных спорах с должником, выступающим в качестве ответчика, по значительным денежным суммам, при том, что на дату проведения зачета вступило в законную силу более десяти судебных решений о взыскании задолженности с компании на сумму более 250 000 000 руб. Эти же обстоятельства свидетельствовали о предпочтительности удовлетворения требований общества.

В качестве дополнительного аргумента заявители указали на значительную отсрочку и рассрочку платежа, согласованную сторонами мирового соглашения. По мнению конкурсных кредиторов, это также свидетельствовало об осведомленности общества о кризисе платежеспособности у компании.

Убедительных аргументов, порочащих эти доводы, компания и общество не привели, в то время как позиция конкурсных кредиторов заслуживала внимания и подлежала проверке.

Обстоятельства, на которые ссылались банк и страховая компания, при их доказанности давали бы суду основания для признания сделки недействительной по признакам предпочтительности. Поскольку оценка доказательств и установление обстоятельств спора не относится к компетенции окружного суда, рассматривавшего дело по правилам кассационного судопроизводства, в данной ситуации определение об утверждении мирового соглашения подлежало отмене с направлением дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

[Определение ВС РФ от 30.03.2018 г. № 305-ЭС17-19680](#)

Прекращение производства по делу о банкротстве в связи с утверждением судом мирового соглашения при наличии нерассмотренных требований кредиторов, не голосовавших за выход из процедуры банкротства, изменяет период подозрительности для оспаривания сделок должника и может способствовать невозможности дальнейшего оспаривания этих сделок должника в новом деле о его банкротстве. Утверждение судом такого мирового соглашения является неправомерным.

Согласно п. 2 ст. 160 Закона о банкротстве основанием для отказа арбитражным судом в утверждении мирового соглашения является противоречие условий мирового соглашения Закону о банкротстве, другим федеральным законам и иным нормативным правовым актам.

Кроме того, согласно разъяснениям Президиума ВАС РФ, данным в п. 18 Информационного письма № 97, правила Закона о банкротстве, регулирующие принятие решения о заключении мирового соглашения большинством голосов кредиторов, не означают, что такое решение может приниматься произвольно, а именно не подлежит утверждению мировое соглашение, условия которого экономически необоснованны.

Исходя из этого, утверждая мировое соглашение, суду надлежит принимать во внимание, в каких целях заключается мировое соглашение, - направлено ли оно, как это определил законодатель, на возобновление платежеспособности организации, включая удовлетворение требований кредиторов, либо используется, например, для того чтобы обеспечить неоправданные преимущества определенной группе лиц, то есть

применяется не в соответствии с предназначением института мирового соглашения. Соответствующая правовая позиция изложена Конституционным Судом РФ в постановлении от 22.07.2002 № 14-П.

В рассматриваемом случае, судебная коллегия соглашается с доводом общества "Горская строительная компания" о том, что прекращение производства по делу о банкротстве в связи с утверждением судом мирового соглашения, при наличии нерассмотренных требований кредиторов, не голосовавших за выход из процедуры банкротства, инициированного в декабре 2015 года, изменяет период подозрительности для оспаривания сделок должника и позволяет избежать оспаривания этих сделок должника в новом деле о его банкротстве.

В частности, из определения суда от 28.06.2017 по данному делу о включении в реестр требований кредиторов требования общества с ограниченной ответственностью "СтройГазИнвест" следует, что 28.12.2016 должник оплатил публичному акционерному обществу "Банк "Возрождение" 125 000 000 рублей. Платеж совершен после возбуждения дела о банкротстве, следовательно, имеются основания для его оспаривания по ст. 61.3 Закона о банкротстве. Вместе с тем в рамках нового дела № А40-131721/2017 Арбитражного суда города Москвы о банкротстве должника эта сделка окажется совершенной за периодом подозрительности. В соответствии с протоколом собрания кредиторов должника от 07.07.2017 публичное акционерное общество "Банк "Возрождение" являлось конкурсным кредитором должника с размером заявленных требований 266 090 904,11 рублей и голосовало за утверждение мирового соглашения.

Вышеизложенное свидетельствует в пользу того, что данным соглашением нарушаются права кредиторов, требования которых не были рассмотрены, но имеющих правомерные ожидания относительно погашения долгов за счет конкурсной массы, включающей взысканные по недействительной сделке суммы, что в силу п. 2 ст. 160 Закона о банкротстве является основанием для отказа в утверждении мирового соглашения.

Допущенные судами нарушения норм права являются существенными, без их устранения невозможна защита прав и охраняемых законом интересов общества "Горская строительная компания", Федеральной налоговой службы и других кредиторов, в связи с чем обжалуемые судебные акты следует отменить на основании ч. 1 ст. 291.11 АПК РФ, в утверждении мирового соглашения, заключенного между обществом с ограниченной ответственностью "Ток-Строй" и его кредиторами, отказать и направить дело о несостоятельности (банкротстве) общества "Ток-Строй" в суд первой инстанции для возобновления производства по нему.

[Определение ВС РФ от 02.04.2018 г. № 305-ЭС17-22716](#)

При оспаривании сделок по выдаче наличных денежных средств добросовестным клиентам банка-должника наличие в банке картотеки неисполненных обязательств не может образовывать презумпцию, изложенную пп. 1 п. 5 ст. 189.40 Закона о банкротстве, согласно которой предполагается, что сделка вышла за пределы обычной хозяйственной деятельности, если оспариваемый платеж был осуществлен кредитной организацией через корреспондентский счет с нарушением очередности, установленной ГК РФ, при наличии других распоряжений клиентов, не исполненных в срок из-за недостаточности денежных средств на указанном корреспондентском счете этой кредитной организации. Иное означало бы применение к подобного рода обособленным спорам пониженного стандарта доказывания для конкурсного управляющего.

Как следует из материалов дела и установлено судами, 11.02.2016 клиент банка-должника Сайфутдинов Р.Х. получил в кассе банка наличные денежные средства.

Полагая, что Сайфутдинов Р.Х. получил предпочтительное удовлетворение своих требований перед требованиями других кредиторов банка, конкурсный управляющий должника обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительной сделкой выдачи указанных денежных средств со ссылкой на п. 1 и 2 ст. 61.3, ст. 189.40 Закона о банкротстве.

Особенность оспаривания сделок при банкротстве кредитных организаций заключается в том, что помимо признаков предпочтения, обязанность доказать выход сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности (нетипичность сделки) по общему правилу изначально возлагается на истца, в рассматриваемом случае – на конкурсного управляющего (п. 4 ст. 189.40 Закона о банкротстве).

Такое регулирование обусловлено тем, что появление у банка в предбанкротный период финансовых затруднений не исключает возможности осуществления до определенного момента обычной хозяйственной

деятельности. При этом на стороне ответчика, являющегося контрагентом банка, всегда будут возникать объективные сложности в представлении доказательств, подтверждающих соответствующий критический момент приостановки операций из-за недостатка ликвидности.

В качестве обоснования выхода сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности суды сослались на презумпцию, изложенную в пп. 1 п. 5 ст. 189.40 Закона о банкротстве, согласно которой предполагается (пока не доказано иное), что сделка вышла за пределы обычной хозяйственной деятельности, если оспариваемый платеж был осуществлен кредитной организацией через корреспондентский счет (субсчет) с нарушением очередности, установленной ГК РФ, при наличии других распоряжений клиентов, номинированных в той же валюте и не исполненных в срок из-за недостаточности денежных средств на указанном корреспондентском счете (субсчете) этой кредитной организации.

Однако исходя из буквального толкования положений п. 5 ст. 189.40 Закона о банкротстве указанные в нем презумпции подлежат применению только в случае оспаривания расчетных и других платежей, а не любых операций с учетом того, что Закон четко разделяет данные виды операций (например, в п. 4 данной статьи).

В связи с этим применение к рассматриваемым правоотношениям положений пп. 1 п. 5 ст. 189.40 Закона о банкротстве является ошибочным. Вопреки выводам судов наличие в банке картотеки неисполненных обязательств не может образовывать презумпцию при оспаривании сделок по выдаче наличных денежных средств добросовестным вкладчикам (клиентам) банка. Такое обстоятельство принимается судом во внимание наряду с иными при исследовании вопроса о типичности сделки для конкретной кредитной организации.

Иное означало бы применение по подобному рода обособленным спорам пониженного стандарта доказывания к конкурсному управляющему, что не соответствует статусу обычных граждан-вкладчиков, являющихся, как правило, слабой стороной правоотношений.

Возражая против доводов конкурсного управляющего, Сайфутдинов Р.Х. указал, что основанием для снятия наличных денежных средств послужило приобретение им квартиры. Полученные в кассе деньги в тот же день были внесены в банковский сейф с целью производства расчетов за приобретаемое жилье. Оставшиеся денежные средства возвращены на расчетный счет в банке, что свидетельствует о добросовестности поведения Сайфутдинова Р.Х., который не предполагал, что банк испытывает финансовые трудности.

Кроме того, подтверждая собственную добросовестность, ответчик обращал внимание суда, что 11.02.2016 произведено непосредственное получение подготовленных денежных средств, заказанных ранее по заявкам от 26.01.2016 и 27.01.2016. Столь большой промежуток времени между заявками и выдачей денежных средств обусловлен правилами банка, предписывающими, что для получения крупных сумм наличных денежных средств соответствующее заявление необходимо направить не менее чем за пять дней. По мнению Сайфутдинова Р.Х., данные факты указывают, что его требование находилось первым в очереди на исполнение 11.02.2016. Доказательств того, что у должника имелись требования (поручения) других клиентов, которые в соответствии с требованиями ГК РФ должны быть исполнены ранее требования Сайфутдинова Р.Х., конкурсным управляющим не представлено.

[Определение ВС РФ от 09.04.2018 г. № 306-ЭС15-7380](#)

1. Процессуальное законодательство не ставит возможность поворота исполнения судебного акта в отмененной части в зависимость от того, исполнены ли обязанным лицом иные обязательства, сохраняющие силу.

2. Изменение в сторону увеличения стоимости имущества, переданного в лизинг, в период с момента передачи договорных позиций и до момента разрешения спора о признании недействительными сделками соглашений об уступке прав по договору лизинга, не свидетельствует о возникновении на стороне нового лизингополучателя неосновательного обогащения, в связи с чем не является основанием для взыскания указанной разницы в цене в пользу конкурсной массы. Настаивая на таких требованиях, заинтересованное лицо должно доказать, что аналогичные договорные позиции на момент рассмотрения спора передавались по большей цене. При этом под аналогичными договорными позициями должны приниматься договоры лизинга сходного имущества с правом его выкупа, заключенные на тот же срок и исполненные передающими эти договоры лизингодателями в таком же процентном соотношении.

В рамках дела о несостоятельности МУП "Ульяновскдорремсервис" его внешний управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными четырех соглашений, по которым должник (лизингополучатель) передал все права и обязанности по исполненным им частично договорам финансовой аренды (лизинга) муниципальному бюджетному учреждению "Дорремстрой", а также о применении последствий недействительности данных соглашений.

Судами первой, апелляционной инстанций требования удовлетворены в полном объеме. Судом кассационной инстанции вопрос о применении последствий недействительности сделок направлен на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судом первой инстанции при новом рассмотрении применены последствия недействительности соглашений в виде взыскания с учреждения в пользу предприятия 33 612 306 руб. (действительной стоимости уступленных договорных позиций), а также осуществлен поворот исполнения определения суда первой инстанции при предыдущем рассмотрении – на должника возложена обязанность возвратить технику учреждению.

Судом апелляционной инстанции определение суда первой инстанции изменено: с учреждения в пользу должника дополнительно взысканы 30 748 809 руб. в возмещение убытков; в удовлетворении заявления учреждения о повороте исполнения судебного акта отказано. Судом кассационной инстанции постановление суда апелляционной инстанции отменено в части отказа в удовлетворении заявления о повороте исполнения судебного акта.

После возбуждения дела о банкротстве должник по договору об уступке передал учреждению все права и обязанности по неисполненным им частично договорам финансовой аренды (лизинга), заключенным с ООО "Политекс" (лизингодатель). Соглашения заключены после возбуждения дела о банкротстве предприятия. Техника, являющаяся объектом лизинга, передана учреждению 13.08.2013.

Констатировав существенную неравноценность встречных предоставлений сторон по соглашениям об уступке, суды признали их недействительными на основании п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, применив последствия недействительности соглашений в виде взыскания с учреждения в конкурсную массу должника 33 612 306 руб. (действительной стоимости переданных договорных позиций).

Осуществляя поворот исполнения судебного акта об обязанности учреждения возвратить предприятию имущество в натуре, Арбитражный суд Ульяновской области и Арбитражный суд Поволжского округа руководствовались ч. 1 ст. 325 АПК РФ и исходили из того, что судебный акт, приведенный в исполнение, отменен в части.

Суд апелляционной инстанции признал преждевременным обращение учреждения в суд с заявлением о повороте исполнения названного судебного акта, так как учреждением еще не выплачена денежная сумма, присужденная предприятию по настоящему делу.

Поскольку в рассматриваемом случае выкупленная учреждением техника, являвшаяся объектом лизинга, выбыла из владения учреждения помимо его воли, в рамках исполнения отмененного решения суда, суды первой инстанции и округа правильно осуществили поворот исполнения определения суда первой инстанции в части, касающейся данной техники, по правилам ч. 1 ст. 325 АПК РФ.

Процессуальный закон не ставит возможность поворота исполнения судебного акта в отмененной части в зависимость от того, исполнены ли должником иные обязательства, сохраняющие силу.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о преждевременности поворота исполнения определения от 25.01.2016 ошибочен.

Отменяя определение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении требования о возмещении учреждением 30 748 809 руб. сверх стоимости переданных договорных позиций и удовлетворяя требования управляющего, суды апелляционной инстанции и округа пришли к выводу о том, что указанные денежные средства подлежат взысканию с учреждения по правилам гл. 60 ГК РФ. Как указали суды, при ином подходе лицо, пользуясь чужим имуществом, не имело бы никаких негативных экономических последствий и было бы демотивировано к тому, чтобы не допускать неосновательного обогащения.

Между тем судами апелляционной инстанции и округа не учтено следующее.

Рыночная стоимость переданных учреждению договорных позиций на момент передачи предприятием договоров лизинга, как установили суды, составила 33 612 306 руб. Данная сумма взыскана с учреждения в пользу предприятия и не оспаривается участвующими в деле лицами.

На момент передачи договоров предприятие не имело реальной возможности приобрести право собственности на технику, поскольку оно не располагало финансовыми ресурсами, необходимыми для исполнения принятых по договорам лизинга обязательств. Если бы не были заключены спорные соглашения, техника была бы возвращена лизингодателю. При таких обстоятельствах, предприятие не вправе ставить вопрос о взыскании в свою пользу разницы между стоимостью техники на момент передачи договоров новому лизингополучателю (учреждению) и стоимостью такой же техники на момент рассмотрения спора.

Настаивая на дополнительном взыскании с учреждения денежных средств по правилам п. 1 ст. 61.6 Закона о банкротстве, арбитражный управляющий в силу ст. 65 АПК РФ должен был доказать, что аналогичные договорные позиции на момент рассмотрения спора передавались по большей цене. При этом под аналогичными договорными позициями принимаются договоры лизинга сходного имущества с правом его выкупа, заключенные на тот же срок и исполненные передающими эти договоры лизингодателями в таком же процентном соотношении.

Таких доказательств арбитражный управляющий не представил. Существенное удорожание техники в связи с ростом курса валюты обычно затрагивает конъюнктуру лизингового рынка (уровни спроса и предложения, рыночную активность, объемы продаж и процентные ставки), влечет за собой изменение ряда параметров лизинговых сделок. Подобные изменения, как правило, оказывают сложное воздействие на рыночную стоимость договорных позиций, отличное от прямо пропорциональной зависимости. Однако арбитражный управляющий детальный анализ изменений лизингового рынка не провел, его требования в этой части являлись недоказанными и поэтому не подлежали удовлетворению.

[Определение ВС РФ от 23.04.2018 г. № 305-ЭС17-6779 \(2\)](#)

При рассмотрении заявления кредитора о признании недействительным добровольного расторжения договора должника, судам надлежит установить, действительно ли договор должника, расторгнутый по инициативе управляющего, ухудшал положение должника, или же он лишь формально имел основания для признания его недействительной сделкой.

В подобном случае необходимо установить в том числе следующие обстоятельства: был ли расторгнутый договор выгоден должнику и его кредиторам; являлся ли контрагент должника по договору заинтересованным лицом по отношению к последнему; оценить встречное предоставление по договору и его ликвидность.

На основании заключенного банком (цедентом) и трестом (цессионарием) договора цессии к тресту перешли требования банка к 21 заемщику по 32 кредитным сделкам на общую сумму 614 634 546,49 руб.

Оплата за уступленные требования в размере 390 262 183,87 руб. осуществлена посредством внутрибанковских проводок: денежные средства были списаны с расчетного счета цессионария, открытого в банке-должнике, и зачислены на счет самого банка.

В ходе конкурсного производства, квалифицировав договор цессии как подозрительную сделку и сделку, направленную на предпочтительное удовлетворение требований треста, конкурсный управляющий по взаимному согласию с трестом 03.02.2016 расторг указанный договор, уступленные требования к заемщикам в размере 614 634 546,49 руб. возвращены банку, денежные средства в сумме 390 262 183,87 руб. обратной бухгалтерской проводкой восстановлены на банковском счете треста.

Восстановленные вследствие расторжения договора цессии требования банка к заемщикам реализованы конкурсным управляющим посредством публичного предложения за 3 915 187,70 руб.

Обратившись в суд с заявлением об оспаривании соглашения о расторжении договора цессии, предприятие сослалось на совершение данной сделки с целью причинения вреда кредиторам, поскольку в результате ее совершения произошло, с одной стороны, незначительное увеличение конкурсной массы (за счет возврата требований по ссудной задолженности сомнительных заемщиков, реализованных за 3,9 млн. рублей) и, с другой стороны, существенное увеличение обязательств должника перед трестом по договору банковского счета (на 390,3 млн. руб.). При этом трест являлся заинтересованным лицом по отношению к банку (ст. 19 Закона о банкротстве).

Договор цессии, действительно, имел отдельные признаки недействительной сделки: номинальная стоимость переданных по нему требований почти в два раза превысила согласованную сторонами договорную цену данных требований, при этом оплата по договору цессии произведена внутрибанковской проводкой со счета треста, открытого в банке-должнике, в преддверии банкротства последнего, когда

безналичные деньги траста как записи по счетам банка могли утратить свое назначение в качестве средства платежа ввиду отсутствия денежных средств на корреспондентском счете кредитной организации.

Однако в рассматриваемой ситуации изложенного было недостаточно для вывода о несоответствии договора об уступке законодательству о банкротстве.

Так, предприятие указывало на то, что договор цессии был выгоден должнику и его кредиторам, в то время как расторжение названной сделки повлекло за собой причинение вреда конкурсной массе (заемщики по переданной банком дебиторской задолженности фактически являлись неплатежеспособными, обладали признаками сомнительных организаций и не имели возможности рассчитаться по полученным кредитам). Уступка требований тресту, являющемуся связанным с должником лицом, преследовала внутригрупповые цели – сокрытие факта высокорискованного кредитования банком ненадежных заемщиков. В результате заключения соглашения об уступке было прекращено обязательство банка перед трестом на 390,3 млн. рублей (то есть трест уже не мог претендовать на включение данной суммы в реестр требований кредиторов банка на случай банкротства последнего и, как следствие, на получение каких-либо средств из конкурсной массы), приобретя взамен низколиквидные требования. После того как не удалось избежать банкротства банка, трест использовал процедуру расторжения договора цессии для изменения сальдо в свою пользу: требования к заемщикам были возвращены в конкурсную массу и реализованы на торгах за 3,9 млн. руб., в то же время по итогам процедуры конкурсного производства правопреемник треста получил удовлетворение на сумму свыше 53 млн. руб., значительно уменьшив размер причитающегося независимым кредиторам.

Таким образом, предприятие, настаивая на недействительности соглашения о расторжении договора цессии на основании п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, обосновывало совокупность указанных в этой норме обстоятельств (сделка была совершена с целью причинения вреда имущественным правам независимых кредиторов банка; в результате ее совершения такой вред был причинен; трест (другая сторона сделки) не мог не знать об указанной противоправной цели в момент совершения сделки).

В нарушение положений ст. 71, 168, 170 АПК РФ суды данные доводы не проверили.

Если обстоятельства, на которые ссылалось предприятие, соответствуют действительности, следует признать, что в отличие от обычно оспариваемых в деле о банкротстве подозрительных сделок и сделок с предпочтением соглашение об уступке не отвечало всем необходимым признакам недействительности. Напротив, оно было заключено на условиях, в существенно лучшую для должника сторону отличающихся от цены или иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки. Любой разумный и добросовестный конкурсный управляющий, находясь в сходной ситуации, не стал бы ни оспаривать, ни расторгать подобную сделку. Иное поведение управляющего означало, что он действует в ущерб интересам должника и его кредиторов.

[Определение ВС РФ от 27.04.2018 г. № 305-ЭС17-2344 \(13\)](#)

Требование, направленное на констатацию существования обеспечительных правоотношений между кредитором и лицами, выдавшими обеспечение, не может рассматриваться как реституционное, поскольку лежит за пределами недействительности исполнения, совершенного должником (или за него) в пользу кредитора. Вместе с тем, поскольку названное требование тесно связано с реституцией в виде восстановления основного кредитного долга, они могут быть рассмотрены совместно в рамках дела о банкротстве.

Обеспечительные обязательства могут быть восстановлены при признании сделки по исполнению обеспеченного обязательства недействительной.

ГК "АСВ" обратилось с заявлением о признании недействительными банковских операций по списанию с расчетного счета компании в пользу банка денежных средств в счет погашения обязательств по кредитному договору на общую сумму 13 891 951,10 руб., применении последствий их недействительности в виде восстановления задолженности компании перед банком по кредитному договору, восстановления задолженности банка перед компанией по договору банковского счета, восстановления обязательств, обеспечивавших исполнение компанией кредитных обязательств по договору ипотеки и ряду договоров поручительства.

Судами трех инстанций требования удовлетворены частично: признаны недействительными банковские операции на сумму 13 981 951,10 руб. На указанную сумму восстановлены взаимные

обязательства банка и компании по кредитному договору и договору банковского счета. В применении остальных последствий недействительности сделки отказано.

22.08.2012 между банком-должником и компанией был заключен кредитный договор, по условиям которого банк предоставляет заемщику кредит в форме кредитной линии с лимитом единовременной задолженности в размере 290 000 000 руб.

Исполнение обязательств по кредитному договору обеспечивалось ипотекой имущества заемщика, а также поручительствами нескольких обществ с ограниченной ответственностью по договорам поручительства с указанными обществами. В период с 05.10.2015 по 05.11.2015 с открытого в банке счета компании в пользу банка произведено списание денежных средств в целях погашения ссудной задолженности и процентов по указанному кредитному договору в общем размере 13 948 591,10 руб.

Разрешая спор, суды исходили из того, что оспариваемые операции имеют признаки внутрибанковских проводок, совершены за восемь дней до, а также после назначения временной администрации по управлению банком, на момент совершения первой операции банк отвечал признаку неплатежеспособности, в связи с чем в результате удовлетворения требований компании ей оказано большее предпочтение по сравнению с иными кредиторами должника, сделки вышли за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Делая выводы о невозможности обеспечения обязательств, суды не учли следующее.

Прямым последствием признания недействительным исполнения по специальным основаниям законодательства о несостоятельности является восстановление долга по основному кредитному обязательству (ст. 167 ГК РФ и п. 4 ст. 61.6 Закона о банкротстве). В то же время требует разрешения вопрос о судьбе обеспечительных обязательств, а именно, восстанавливаются ли они наряду с основным, и если да, то каков надлежащий способ защиты прав кредитора.

При разрешении данного вопроса необходимо принимать во внимание правовую природу обеспечительных сделок, смысл которых заключается в ограждении кредитора от риска непредоставления должником исполнения по основному обязательству, в повышении вероятности погашения долга за счет обеспечения, в защите кредитора от неоплатности должника, в том числе на случай банкротства последнего. Добросовестный и разумный кредитор, выдавая кредит, обоснованно рассчитывает на его возврат заемщиком и получение платы. Фактор же наличия обеспечения, повышающего вероятность возврата денег, объективно влияет на условия кредитования, в частности, на получение одобрения кредитного комитета, срок, процентную ставку и т.д.

Именно поэтому, разрешая вопрос о допустимости восстановления обеспечительных требований в рассматриваемом случае, необходимо, чтобы выбранная позиция обеспечивала сохранение баланса экономических интересов сторон кредитных отношений исходя из распределенных ими юридических прав и обязанностей на момент достижения соглашения, то есть должны быть учтены справедливые правовые ожидания сторон, которые они имели при вступлении в договорные отношения (определение ВС РФ от 14.06.2016 № 308-ЭС16-1443).

Банк, выдавая кредит, рассчитывает, что сможет воспользоваться соответствующими обеспечительными механизмами. При этом поручители и залогодатели, выдавая обеспечение, не могут не осознавать, что банк будет иметь право реализовать свои права как кредитора по отношению к ним в случае неоплатности заемщика.

Таким образом, с учетом того, что в случае признания сделки по исполнению недействительной, право требования кредитора по обязательству к должнику считается существовавшим независимо от совершения данной сделки (абз. 1 п. 4 ст. 61.6 Закона о банкротстве), следует признать принципиальную допустимость восстановления и обеспечительных требований. При ином подходе возникала бы ситуация, в рамках которой в условиях непогашенного долга лицо, выдавшее обеспечение, освобождалось бы от принятых на себя обязательств в отсутствие оснований для их прекращения.

Требование, направленное на констатацию существования обеспечительных правоотношений между ним и лицами, выдавшими обеспечение, не может рассматриваться как реституционное, поскольку оно лежит за пределами недействительности исполнения, учиненного должником (или за него) в пользу кредитора. Вместе с тем, поскольку названное требование тесно связано с реституцией в виде восстановления основного кредитного долга, они могут быть рассмотрены совместно в рамках дела о банкротстве.

Субсидиарная ответственность лиц при банкротстве, взыскание убытков.

Привлекая руководителя должника к субсидиарной ответственности за неподачу заявления о признании должника банкротом (п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве), надлежит учитывать, что момент возникновения обязанности по обращению в суд с заявлением о банкротстве в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов. Сами по себе кратковременные и устранимые эффективными действиями руководителя затруднения не могут рассматриваться как безусловное доказательство возникновения необходимости обращения последнего в суд с заявлением о банкротстве.

По смыслу п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве и разъяснений, данных в п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц к ответственности при банкротстве", при исследовании совокупности обстоятельств, входящих в предмет доказывания по спорам о привлечении руководителей к ответственности, предусмотренной названной нормой, следует учитывать, что обязанность по обращению в суд с заявлением о банкротстве возникает в момент, когда добросовестный и разумный руководитель в рамках стандартной управленческой практики должен был объективно определить наличие одного из обстоятельств, указанных в п. 1 ст. 9 Закона о банкротстве. Если руководитель должника докажет, что, несмотря на временные финансовые затруднения (в частности, возникновение признаков неплатежеспособности) добросовестно рассчитывал на их преодоление в разумный срок, приложил максимальные усилия для достижения такого результата, выполняя экономически обоснованный план, такой руководитель освобождается от субсидиарной ответственности на тот период, пока выполнение его плана являлось разумным.

Таким образом, для целей разрешения вопроса о привлечении бывшего руководителя к ответственности по упомянутым основаниям установление момента подачи заявления о банкротстве должника приобретает существенное значение, учитывая, что момент возникновения такой обязанности в каждом конкретном случае определяется моментом осознания руководителем критичности сложившейся ситуации, очевидно свидетельствующей о невозможности продолжения нормального режима хозяйствования без негативных последствий для должника и его кредиторов.

В связи с этим в процессе рассмотрения такого рода заявлений, помимо прочего, необходимо учитывать режим и специфику деятельности должника, а также то, что финансовые трудности в определенный период могут быть вызваны преодолимыми временными обстоятельствами.

Устанавливая момент, с которым Закон о банкротстве связывает обязанность руководителя по обращению в суд с заявлением о банкротстве должника, суды первой и апелляционной инстанций ограничились лишь оценкой представленных в материалы дела бухгалтерской отчетности за 2013 год и письма Зацаринного Н.М. от 08.11.2013 на имя единственного участника должника о сложном материальном положении завода, при этом придя к противоположным выводам относительно его экономических показателей по состоянию на 30.09.2013.

Однако, как уже отмечалось, сами по себе кратковременные и устранимые, в том числе своевременными эффективными действиями руководителя затруднения, не могут рассматриваться как безусловное доказательство возникновения необходимости обращения последнего в суд с заявлением о банкротстве.

В своих возражениях Зацаринный Н.М. в том числе ссылался на осуществление заводом совместно с ООО "ТД "ВЗБТ" экономически обоснованного плана - производственной программы по изготовлению и реализации буровых установок в рамках заключенного последним с ОАО "Сургутнефтегаз" контракта от 01.03.2011 № 568/У на сумму свыше 6 млрд. руб., реализация которой позволяла погасить кредиторскую задолженность. Кроме этого, являясь поручителем по заключенным между ООО "ТД "ВЗБТ" и публичным акционерным обществом "Сбербанк России" (далее - банк) кредитным договорам, принимал меры по урегулированию возникшего между сторонами спора, в результате чего 15.02.2014 достигнуто мировое соглашение, впоследствии утвержденное судом, предоставляющее значительную рассрочку возврата денежных средств и освобождение от выплаты существенной неустойки.

Как пояснили в судебном заседании представители Зацаринного Н.М., осуществление упомянутой программы, а также расчеты с кредиторами продолжались и в 2014 году.

Указанные доводы оставлены судами первой и апелляционной инстанций без должной оценки, а обстоятельства, связанные с принятием Зацаринным Н.М. мер, направленных на финансовую стабилизацию завода - без исследования. В частности, суды не выяснили, являлся ли его план экономически обоснованным, до какого момента выполнение этого плана являлось разумным, какие причины привели к возникновению кризисной ситуации, ее развитию и переходу в стадию объективного банкротства (критический момент, в который должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов).

Объем ответственности руководителя по спорам о привлечении его к ответственности определен п. 2 ст. 10 Закона о банкротстве: руководитель принимает на себя обязательства должника, возникшие после истечения месячного срока, предусмотренного п. 2 ст. 9 Закона о банкротстве.

Определяя размер субсидиарной ответственности Зацаринного Н.М., апелляционный суд указал на возникновение новых обязательств должника как поручителя в размере 1 366 706 458 руб. 79 коп. в результате заключения между банком, должником и ООО "ТД "ВЗБТ" мирового соглашения, утвержденного судом 21.02.2014.

В соответствии со сложившейся судебной практикой применения арбитражными судами ст. 414 ГК РФ, обязательство прекращается новацией тогда, когда воля сторон определенно направлена на замену существовавшего между ними первоначального обязательства другим обязательством. Соглашение сторон, изменяющее сроки и порядок расчетов между сторонами, не означает изменения способа исполнения обязательства, поэтому не является новацией (пп. 1, 2 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21.12.2005 № 103 "Обзор практики применения арбитражными судами ст. 414 Гражданского кодекса Российской Федерации").

Поскольку в тексте указанного мирового соглашения условия о прекращении действия между сторонами обязательств из заключенных в период с апреля 2011 года по июнь 2012 года кредитных договоров, а также о замене этих обязательств новым с иным предметом или способом исполнения, отсутствуют, вывод суда апелляционной инстанции о состоявшейся новации является ошибочным.

Включение в объем ответственности Зацаринного Н.М. требования общества с ограниченной ответственностью "Альянс-Эксперт" (далее - общество "Альянс-Эксперт") в размере 1 676 207 руб. 14 коп., установленного вступившим в законную силу решением суда от 26.06.2014, также необоснованно, учитывая, что обязательство завода по оплате выполненных обществом "Альянс-Эксперт" работ возникло 29.09.2012.

Возражая против включения в размер ответственности требований перед публичным акционерным обществом "Волгоградэнергосбыт" и обществом с ограниченной ответственностью "Теплогенерирующая компания" по обязательствам, вытекающим из заключенных в 2009 и 2012 годах договоров энергоснабжения, Зацаринный Н.М. ссылаясь на осуществление заводом в спорный период деятельности по передаче электрической и тепловой энергии на территории Волгоградской области в условиях естественной монополии и в связи с этим на невозможность прекращения правоотношений с названными лицами, учитывая, в том числе, что конечными потребителями этих услуг являлись граждане.

В свою очередь, торговый дом обращал внимание на утрату должником статуса субъекта естественной монополии в 2013 году и необоснованность доводов Зацаринного Н.М. в части оказания услуг гражданам.

Названные доводы надлежащей проверки также не получили.

[Определение ВС РФ от 05.04.2018 г. № 305-ЭС16-4982](#)

Суд не вправе приостановить производство по заявлению о привлечении лиц к субсидиарной ответственности до рассмотрения доводов, касающихся обоснованности их привлечения к данному виду ответственности, если на момент обращения действовали положения Закона о банкротстве, согласно которым при невозможности точного определения размера субсидиарной ответственности суд приостанавливает рассмотрение заявления лишь после установления всех иных имеющих значение фактов.

Конкурсный управляющий банка обратился в суд с заявлением о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности.

Судами трех инстанций производство по заявлению конкурсного управляющего приостановлено до окончательного формирования конкурсной массы.

Приостанавливая производство по заявлению конкурсного управляющего, суды руководствовались п. 1 ч. 1 ст. 143 АПК РФ, абз. 6 п. 5 ст. 10 Закона о банкротстве и исходили из того, что на день рассмотрения заявления о привлечении контролирующего банк лиц к субсидиарной ответственности конкурсная масса окончательно не сформирована, конкурсный управляющий не приступил к расчетам с кредиторами, в связи с чем невозможно точно определить размер ответственности. Между тем судами не учтено следующее.

На момент приостановления производства по обособленному спору процессуальные особенности рассмотрения заявлений о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности за доведение до банкротства регулировались абз. 6 п. 5 ст. 10 Закона о банкротстве, по смыслу которого при невозможности точного определения размера этой ответственности суд после установления всех иных имеющих значение фактов приостанавливает рассмотрение соответствующего заявления, в том числе до окончания расчетов с кредиторами.

Согласно приведенному правилу суд, разрешая спор о привлечении контролирующего лица к субсидиарной ответственности, сначала проверяет наличие условий для возложения такой ответственности на привлекаемое лицо, а затем определяет ее точный размер. При доказанности оснований привлечения к субсидиарной ответственности и невозможности (ввиду несформированности конкурсной массы) достоверного определения суммы, подлежащей взысканию с контролирующего лица, суд выносит определение, содержащее выводы о наличии оснований привлечения к ответственности и о приостановлении рассмотрения соответствующего заявления. До выяснения оснований привлечения к субсидиарной ответственности производство по обособленному спору может быть приостановлено только в соответствии с общими положениями ст. 143, 144 АПК РФ, например, при назначении судебной экспертизы.

В рассматриваемом деле о банкротстве банка не имелось причин для приостановления производства по обособленному спору по обстоятельствам, не связанным с продолжением мероприятий по формированию конкурсной массы. В такой ситуации суды не могли приостановить производство по спору, не проверив доводы конкурсного управляющего, касающиеся оснований привлечения контролирующего банк лиц к субсидиарной ответственности.

Торги.

[Определение ВС РФ от 22.03.2018 г. № 308-ЭС17-19467](#)

О недействительности торгов может свидетельствовать искусственное завышение одним участником цены лота путем подачи в отсутствие конкуренции со стороны иных лиц с незначительным интервалом времени большого количества притворных предложений, так как для независимых участников торгов отсутствует реальная возможность провести состязание относительно цены имущества, при этом нивелируется сам смысл торгов.

Оспариваемые торги проведены в форме электронного аукциона.

По смыслу п. 13 ст. 110 Закона о банкротстве при подобном способе определения покупателя имущества цена формируется на конкурентной основе в режиме реального времени путем поэтапного повышения начальной продажной цены.

На организатора таких торгов возлагается обязанность обеспечить равный доступ всех лиц к участию в них, в том числе свободное, бесплатное и бесперебойное функционирование электронных и информационных систем, с использованием которых подается конкретная ценовая заявка (п. 14 ст. 110 Закона о банкротстве). В противном случае при определении победителя утрачивается признак конкуренции среди участников, в результате чего проведенная процедура выявления покупателя может быть признана противоречащей ее сущности.

К спорным торгам формально были допущены семеро участников. Однако не все из них получили реальную возможность предложить обоснованную, по их мнению, цену за спорное имущество.

Так, судами установлено, что в ходе торгов, которые длились около четырех минут, Расюк В.В., подавая заявку с ценовым предложением в условиях отсутствия заявок иных участников с большей ценой, в течение трех минут повышал предложенную им же цену, в то время как другие участники торгов фактически были лишены возможности направить экономически обоснованные предложения. При этом впоследствии Расюк В.В. отказался от всех предложенных им заявок.

Вопреки выводу судов недобросовестность в поведении участника торгов может выражаться не только в наличии доказанного сговора с их организатором или оператором торговой площадки либо в использовании специальных технических средств, но также и иным образом.

Ссылаясь на отсутствие доказательств наличия технического сбоя в ходе торгов, суды апелляционной инстанции и округа не проанализировали, могли ли такие действия Расюка В.В. исказить саму суть процедуры аукциона.

Действуя внешне экономически нецелесообразно (повышая в отсутствие конкуренции предложенную им же цену с незначительным интервалом времени), независимо от причин такого поведения, Расюк В.В. воспрепятствовал иным участникам торгов подать собственные заявки в том ценовом диапазоне, который являлся бы приемлемым для любого разумного участника рынка, и тем самым лишил их возможности сформировать объективную рыночную цену продаваемого имущества.

Подача каждой заявки является волеизъявлением участника торгов, офертой, от которой можно отказаться до определения организатором торгов их победителя. Учитывая, что действия по подаче заявок выражают волю субъекта оборота и направлены на возникновение у него гражданских прав, к ним могут быть применены правила, в том числе о недействительности сделок (п. 1 ст. 6, § 2 гл. 9 ГК РФ).

По мнению судебной коллегии, количество поданных в условиях отсутствия конкуренции предложений без реального намерения впоследствии заключить договор купли-продажи, в связи с чем была искусственно завышена цена выставленного на торги имущества, свидетельствует о наличии признака притворности (п. 2 ст. 170 ГК РФ) таких заявок, на самом деле прикрывавших действия по ограничению доступа к торговой площадке другим лицам, что не соответствует стандарту добросовестного поведения.

То обстоятельство, что Расюк В.В. впоследствии отказался от своих заявок, лишь подтверждает изложенное. В любом случае иные мотивы такого поведения не раскрыты.

Недобросовестность конкретного участника в условиях недоказанности сговора с организатором или другим участником торгов сама по себе не является основанием для признания их недействительными. Вместе с тем, когда в результате таких действий для независимых участников отсутствует возможность провести состязание относительно цены имущества, нивелируется смысл торгов, которые теряют свою суть (определение победителя на конкурентной основе), что очевидно указывает в сторону их недействительности (п. 1 ст. 449 ГК РФ).

При таких условиях правовые основания для отмены определения суда первой инстанции от 14.12.2016, признавшего спорные торги недействительными, отсутствовали.

[Определение ВС РФ от 19.04.2018 г. № 305-ЭС15-10675](#)

По истечении тридцатидневного срока, установленного п. 4.1 ст. 138 Закона о банкротстве, залоговый кредитор не теряет права оставить предмет залога за собой, если процедура реализации не была закончена. Сохранение за залоговым кредитором права участия в механизме определения рыночной цены имущества путем оставления его за собой на этапе, когда нет предложений от участников торгов, не нарушает прав и законных интересов иных кредиторов и претендующих на имущество лиц, так как отвечает целям конкурсного производства.

Выступив организатором торгов, конкурсный управляющий в 2016 году объявил о торгах заложенного имущества должника. Начальная цена торгов в течение месяца и семи этапов торгов снизилась с 216 000 000 руб. до 10 800 000 руб.

В течение нескольких этапов торгов поступавшие в электронной форме от обществ "Нирис" и "Норс" заявки отзывались.

На одном из этапов торгов залоговый кредитор перечислил 15 120 000 руб. по банковским реквизитам, указанным в публикациях о торгах. 20.06.2016 при цене имущества 75 600 000 руб. организатор торгов получил извещение общества о перечислении указанного платежа и о намерении последнего как залогового кредитора оставить выставленное на торги залоговое имущество за собой.

Однако торги были продолжены и в течение двух последующих этапов заявки, поступавшие указанных обществ, вновь были отозваны.

27.06.2016 организатор торгов письмом отказал залоговому кредитору в удовлетворении заявления последнего об оставлении залогового имущества за собой, а 29.06.2016 по результатам торгов подписал протоколы, согласно которым победителем торгов признано общество "Норс", первым подавшее заявку

27.06.2016 при цене предложения 32 400 000 руб. 01.07.2016 между должником и победителем торгов подписан договор купли-продажи недвижимого имущества, которое в тот же день передано покупателю по акту приема-передачи.

Судом первой инстанции признаны недействительными итоги торгов и заключенный на их основании договор купли-продажи; судом апелляционной и кассационной инстанции в удовлетворении требований отказано.

При продаже в конкурсном производстве заложенного имущества посредством публичного предложения залоговый кредитор, не воспользовавшийся правом на оставление имущества за собой (п. 4.1 ст. 138, п. 4 ст. 139 Закона о банкротстве) после несостоявшихся повторных торгов, сохраняет приоритет перед иными кредиторами и залоговые правоотношения не прекращаются (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20.06.2013 № 1678/13 по делу № А48-702/2009).

Последующая реализация заложенного имущества в ходе торгов посредством публичного предложения представляет собой пошаговое снижение цены имущества до появления спроса. Тем самым определяется рыночная цена. Сохранение за залоговым кредитором права участия в механизме определения рыночной цены путем оставления имущества за собой на этапе, когда нет предложений от участников торгов, не нарушает прав и законных интересов иных кредиторов и претендующих на имущество лиц, а так же отвечает цели конкурсного производства: удовлетворение требований кредиторов должника с максимальным экономическим эффектом, достигаемое обеспечением баланса между затратами на проведение процедуры конкурсного производства и ожидаемыми последствиями в виде размера удовлетворенных требований.

Если в рамках правового регулирования законодательством арбитражному управляющему предоставлен выбор вариантов поведения на его усмотрение, то законность и обоснованность его действий должна оцениваться с точки зрения достижений указанной цели. Проведение торгов с нарушениями, в результате которых имущество продается кратно дешевле цены, реально предложенной в ходе реализации, не отвечает указанным целям.

Ввиду того, что у залогового кредитора сохранились залоговые права в отношении реализуемого имущества и процедура реализации не была закончена, оснований полагать, что по истечении тридцатидневного срока, установленного п. 4.1 ст. 138 Закона о банкротстве, залоговый кредитор утратил право оставить предмет залога за собой, не имелось.

Поскольку кредитор предпринял все необходимые действия, направленные для оставления предмета залога за собой, организатор торгов был осведомлен об этих действиях и на седьмом этапе снижения цены имущества не было заявок от лиц, согласных приобрести имущество по цене, установленной для этого этапа, отказ организатора торгов в реализации права залогового кредитора незаконен. Следовательно, суд первой инстанции правомерно пришел к выводу о нарушении организатором торгов установленных законом правил проведения торгов и недействительности договора купли-продажи, заключенного по результатам этих торгов.

Прочие вопросы.

[Определение ВС РФ от 21.03.2018 г. № 306-ЭС17-19720](#)

Требование общества о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака правообладателя-банкрота по сути направлено на прекращение имущественного права, включенного в конкурсную массу правообладателя. До момента прекращения в отношении правообладателя процедуры конкурсного производства избранный способ защиты права является преждевременным, а само заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака подлежит оставлению без рассмотрения. Надлежащим способом защиты права, с учетом интересов всех кредиторов и положений Закона о банкротстве, является приобретение этого товарного знака на торгах по справедливой цене.

В соответствии с положениями ст. 1226 ГК РФ исключительное право на товарный знак является имущественным.

Обладание исключительным правом на товарный знак не только наделяет правообладателя определенными правомочиями, но и подразумевает использование принадлежащего ему товарного знака в гражданском обороте.

Неиспользование товарного знака может послужить основанием досрочного прекращения правовой охраны товарного знака на основании положений ст. 1486 ГК РФ.

При этом прекращение правовой охраны товарного знака означает прекращение исключительного права на этот товарный знак (п. 4 ст. 1486 и п. 4 ст. 1514 ГК РФ).

Согласно п. 1 ст. 1486 ГК РФ (в редакции, действовавшей на момент спорных правоотношений) правовая охрана товарного знака может быть прекращена досрочно в отношении всех товаров или части товаров, для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, вследствие неиспользования товарного знака непрерывно в течение любых трех лет после его государственной регистрации. Заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования может быть подано заинтересованным лицом в арбитражный суд по истечении указанных трех лет при условии, что вплоть до подачи такого заявления товарный знак не использовался.

Таким образом, при рассмотрении дел о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования сталкиваются интересы правообладателя, не использующего товарный знак, и лица, не имеющего возможности использовать соответствующее либо сходное обозначение, но желающее того.

Из материалов дела следует, что заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака было подано обществом после признания правообладателя банкротом и открытия процедуры конкурсного производства (решение Арбитражного суда Самарской области от 26.05.2014 по делу № А55-5711/2014).

Согласно п. 1 ст. 131 Закона о банкротстве все имущество должника, имеющееся на день открытия конкурсного производства и выявленное в ходе конкурсного производства, составляет конкурсную массу, из которой осуществляется удовлетворение требований конкурсных кредиторов должника.

При таких условиях требование общества о прекращении правовой охраны товарного знака, по сути, направленное на прекращение имущественного права, включенного в конкурсную массу, заявлено против кредиторов должника, поскольку реализация данного актива способствовала бы максимально возможному удовлетворению требований последних.

Имея намерение лишиться правообладателя, признанного банкротом, исключительных прав на товарный знак для целей удовлетворения своих интересов, общество фактически возлагает на кредиторов все негативные последствия, связанные с неиспользованием должником спорного товарного знака.

Однако способы защиты законных интересов должны отвечать принципу соразмерности, то есть должны быть основаны на соблюдении баланса интересов и прав всех вовлеченных в правоотношения сторон.

Следовательно, помимо положений Гражданского кодекса РФ, позволяющих лишиться правообладателя исключительных прав на товарный знак на законных основаниях, следует также учесть и положения специальных норм Закона о банкротстве, которые направлены на защиту прав и законных интересов кредиторов правообладателя-банкрота.

Поэтому баланс между интересами общества, заинтересованного в использовании товарного знака, и кредиторов, заинтересованных в наиболее полном удовлетворении своих требований за счет имущества должника, должен достигаться путем приобретения этого товарного знака на торгах по справедливой цене. Пока идет конкурсное производство, избранный обществом способ защиты права является преждевременным.

Поскольку общество не использовало возможность приобретения товарного знака по основаниям Закона о банкротстве, его требование о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака подлежит оставлению без рассмотрения применительно к п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ.

При этом учитывается, что в случае последующего прекращения производства по делу о банкротстве оставление настоящего заявления без рассмотрения позволит обществу реализовать свое право в общеисковом порядке, исключив возможность прекращения производства по такому требованию по основанию тождественности.

Кроме того, судебная коллегия считает, что управленческие ошибки, равно как и любые другие факторы, находящиеся в сфере контроля правообладателя, приведшие к его банкротству, не могут давать преференций в гражданском обороте, в связи с чем само по себе введение в отношении правообладателя конкурсного производства не является доказательством того, что товарный знак не использовался по независящим от правообладателя обстоятельствам.

В связи с этим, введение в отношении правообладателя конкурсного производства, как правило, не может рассматриваться как уважительная причина неиспользования товарного знака применительно к положениям п. 3 ст. 1486 ГК РФ.

Выводы судов об обратном являются ошибочными.

[Определение ВС РФ от 22.03.2018 г. № 309-ЭС15-834\(3\)](#)

Не могут быть признаны недействительными решения собрания кредиторов должника на основании отсутствия в протоколе указания на конкретные нарушения конкурсного управляющего, потому как при наличии волеизъявления большинства кредиторов законом предусмотрен упрощенный порядок лишения конкурсного управляющего полномочий, в соответствии с которым конкретизация в решении собрания кредиторов об отстранении конкурсного управляющего допущенных управляющим нарушений не является обязательным условием.

Действующим законодательством о несостоятельности предусмотрены, в частности, два основных механизма, в результате применения которых конкурсный управляющий может быть отстранен арбитражным судом от исполнения соответствующих обязанностей по требованию кредиторов: удовлетворение ходатайства собрания (комитета) кредиторов в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на конкурсного управляющего обязанностей (абзац второй п. 1 ст. 145 Закона о банкротстве) и удовлетворение жалобы отдельного кредитора на неисполнение или ненадлежащее исполнение конкурсным управляющим возложенных на него обязанностей (абз. 3 п.1 ст. 145 Закона о банкротстве).

Принципиальные различия названных механизмов состоят в том, что обязательным условием для отстранения конкурсного управляющего в связи с удовлетворением жалобы отдельного кредитора является доказанность наличия убытков у должника либо его кредиторов или возможность причинения (возникновения) таковых (п. 7 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.05.2012 № 150 "Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с отстранением конкурсных управляющих" (далее - информационное письмо № 150)).

В то время как рассмотрение ходатайства собрания кредиторов об отстранении конкурсного управляющего не предполагает включение в предмет доказывания по обособленному спору наличие или возможность причинения убытков. Для его удовлетворения достаточно самого факта допущенных нарушений и решения собрания кредиторов об обращении в суд с ходатайством об отстранении конкурсного управляющего.

Таким образом, при наличии волеизъявления большинства кредиторов законом предусмотрен упрощенный порядок лишения конкурсного управляющего полномочий.

Реализуя право на обращение в суд с ходатайством об отстранении конкурсного управляющего, представитель собрания кредиторов должника указывал на ненадлежащее исполнение конкурсным управляющим своих обязанностей, приложив решение (протокол) собрания кредиторов, что само по себе является достаточным для рассмотрения арбитражным судом данного вопроса.

Вопреки доводу конкурсного управляющего и выводу судов, конкретизация в таком решении допущенных конкурсным управляющим нарушений не является обязательным условием (пп. 1, 4 информационного письма № 150), соответствующие обстоятельства подлежат выяснению арбитражным судом при рассмотрении ходатайства.

Равным образом нельзя согласиться и с выводом судов относительно возможности принятия собранием кредиторов решения о проведении повторной оценки имущества должника.

Так, согласно абз. 4 п. 1 ст. 139 Закона о банкротстве в конкурсном производстве проведение повторной оценки имущества должника возможно в случае принятия на себя конкурсным кредитором или уполномоченным органом расходов на проведение такой оценки.

В рассматриваемом случае, обосновывая принятие такого решения, кредиторы ссылались в том числе на истечение предусмотренного ст. 12 Федерального закона от 29.07.1998 № 135-ФЗ "Об оценочной деятельности в Российской Федерации" срока, а также на наличие согласия общества "Сальвад" по несению связанных с этим дополнительных расходов.

Учитывая, что оспариваемые решения не противоречат действующему законодательству, приняты в пределах компетенции собрания кредиторов, определенной п. 2 ст. 12 Закона о банкротстве, не затрагивают

прав и законных интересов конкурсного управляющего Пархоменко А.С. либо иных лиц, правовые основания для признания их недействительными отсутствовали.

Определение ВС РФ от 26.04.2018 г. № 305-ЭС17-17321

Собрание кредиторов вправе отменить решение ранее состоявшегося собрания по вопросу о выборе арбитражного управляющего или саморегулируемой организации, тем самым отзывав свое согласие на утверждение судом соответствующей кандидатуры.

Так как законодательством не установлены специальные правила отмены решений собраний кредиторов, такая отмена правомерна, если она не имеет признаков злоупотребления правом и совершена до того момента, пока отмененное решение не начало влиять на права и законные интересы внешних по отношению к участникам упомянутого сообщества лиц, то есть до момента утверждения арбитражного управляющего судом.

В рамках дела о банкротстве ООО "ИнжГазСтрой" его конкурсные кредиторы – общества "СИТТЕК", "Ямалстройгаздобыча" и "НПП "Химмаш-Старт" – обратились в суд с заявлением о признании недействительным решения общего собрания кредиторов должника, оформленного протоколом от 18.04.2017.

Конкурсными кредиторами – "Приоритет" и "Инжиниринг Газ Систем" – заявлены требования о признании недействительными решений общего собрания кредиторов, оформленных протоколом от 15.05.2017.

Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении требования о признании недействительным решения общего собрания кредиторов должника, оформленного протоколом от 18.04.2017, отказано; решения общего собрания кредиторов, оформленные протоколом от 15.05.2017, признаны недействительными.

Во исполнение обязанности суда о проведении кредиторами должника собрания кредиторов обществом "Приоритет" 18.04.2017 проведено собрание кредиторов № 1, на котором принято решение об избрании ассоциации "Саморегулируемая организация арбитражных управляющих "Меркурий" в качестве саморегулируемой организации, из числа членов которой подлежит утверждению конкурсный управляющий.

За принятие упомянутого решения от 18.04.2017 проголосовало общество "Инжиниринг Газ Систем", обладающее 63,03 процента голосов от общего числа голосов кредиторов, присутствовавших на собрании.

На момент проведения указанного собрания кредиторов судом рассматривалось требование общества "СИТТЕК" к должнику, которое впоследствии признано обоснованным и подлежащим включению в реестр требований кредиторов.

Общество "СИТТЕК", приобретшее статус мажоритарного кредитора после дня проведения собрания № 1 и не имевшее возможности участвовать в этом собрании, 15.05.2017 провело новое общее собрание кредиторов № 2, на котором приняты решения: об отмене решения собрания кредиторов № 1 и об избрании иного арбитражного управляющего для утверждения его в деле о банкротстве.

За принятие названных решений от 15.05.2017 проголосовали кредиторы, обладающие 87,79 процента голосов от общего числа голосов кредиторов, присутствовавших на собрании.

Признавая решения собрания № 2 недействительными, суд первой инстанции счел, что эти решения приняты за пределами компетенции общего собрания кредиторов, установленной Законом о банкротстве, сославшись на принципиальную невозможность последующей отмены собранием кредиторов принятых ранее решений.

Суд апелляционной инстанции, согласившись с судом первой инстанции, дополнительно указал на то, что собрание № 2 было создано и проведено после того, как протокол собрания № 1 был получен ассоциацией "Меркурий" и судом вынесено определение об обязанности саморегулируемой организации представить сведения о кандидатуре арбитражного управляющего.

Вопреки выводам судов Закон о банкротстве не содержит запрета на изменение гражданско-правовым сообществом, объединяющим кредиторов, позиции относительно наиболее предпочтительной, с их точки зрения, кандидатуры арбитражного управляющего или саморегулируемой организации.

Собрание кредиторов вправе отменить ранее принятое решение по вопросу о выборе арбитражного управляющего или саморегулируемой организации, тем самым отзывав свое согласие на утверждение судом

соответствующей кандидатуры, и разрешить данный вопрос иначе – в пользу другого кандидата или организации.

При этом законодательством о несостоятельности не установлены специальные правила отмены указанных решений гражданско-правового сообщества кредиторов. Поэтому такая отмена правомерна, если она не имеет признаков злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) и совершена до того момента, пока отмененное решение не начало влиять на права и законные интересы внешних по отношению к участникам упомянутого сообщества лиц (пп. 1.1 п. 1 ст. 8 ГК РФ), то есть до момента утверждения арбитражного управляющего судом.

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Монографии

[Алфёрова Л.М. Несостоятельность \(банкротство\) физических лиц: тенденции развития механизма банкротства граждан \(Статут, 2018\).](#)

[Самохвалова А.Ю. Механизм правового регулирования финансового оздоровления как мера предупреждения банкротства кредитной организации \(Перспектива, 2018\).](#)

2. Статьи

Журнал "Вестник экономического правосудия"

Март

[Саркисян А.В. К вопросу о пределах ответственности арбитражного управляющего за убытки, причиненные неоспариванием сделок должника](#)

Апрель

[Суворов Е.Д. Конкуренция оснований недействительности](#)

[Мифтахутдинов Р.Т. Ограниченная относительность судебного акта при банкротстве: как добросовестным кредиторам защититься от необоснованного требования, подтвержденного судебным актом](#)

[Араkelов С.А., Чекмышев К.Н., Солдатенков В.Ю. Институт субсидиарной ответственности как новый фактор экономического развития](#)

Журнал "Арбитражная практика для юристов"

Март

[Николаев А. Стороны расторгли мировое соглашение. Чем рискует кредитор, который не участвовал в его заключении](#)

Апрель

[Афанасьева А. Контрагент банкротится. Как убедить суд принять обеспечительные меры](#)

[Кандаков К. Должник вывел активы. Три ситуации, когда получится оспорить сделку вне процедуры банкротства](#)

[Набережный А. В активе должника — право аренды участка. Как кредитору обратиться на него взыскание](#)

Журнал "Юрист компании"

Апрель

[Романов А. Как оспорить цессию в банкротстве](#)

Журнал "Хозяйство и право"

№ 4

Телюкина М. Досудебные мероприятия и санация в конкурсном праве

3. Блоги

Громов С. [Убытки, вызванные последующим изменением стоимости неосновательно приобретенного имущества при невозможности его возврата в натуре \(п. 1 ст. 1105 ГК РФ\)](#)

Константинов Д. [АСВ v. вкладчики - что поменяет определение ВС РФ по делу КБ "Унифин"](#)

Конюков В. [К вопросу о привлечении к субсидиарной ответственности за непредставление документов, если документы не истребовались](#)

Маликов А. [Подача заявления о банкротстве без публикации о намерении - это основание для оставления заявления без движения или отказа в его принятии?](#)

Меняев А. [Взыскание упущенной выгоды с конкурсного управляющего](#)

Пешкова Е. [Корпоративные займы - расширение позиции ВС РФ](#)

Постильга А. [Верховный суд услышал позицию невключенных кредиторов](#)

Правящий П. [Кредитор заберет у семьи единственное жилье](#)

Сухов И. [Отсутствие регистрации права собственности при возбуждении дела о банкротстве в отношении продавца](#)

Тараданов Р. ["Три в одном" // О том, как деле об оспаривании сделки должника-банкрота сошлись цессия, новация и реституция, и что теперь с этим делать](#)

Улезко А. [Постановление Пленума ВС РФ № 53 об ответственности контролирующих лиц в деле о банкротстве: на какие детали стоит обратить внимание](#)

Хлюстов П. [АСВ закон не писан – как включить в РТК сомнительные требования аффилированных лиц на 57 млрд руб. // Дело Пробизнесбанка](#)

Ягнакова Е. [Может ли в деле о банкротстве ф/л участвовать представитель самого должника?](#)

* * *

Ответственный редактор Дайджеста:

Алексей Мороз,
адвокат, магистр частного права (РШЧП), к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

Редакторы:

Татьяна Иванова
(юрист, АБ "Эксиора")

Дарья Нюхалкина
(юрист, АБ "Эксиора")

Гульнара Исмагилова
(юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру)

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно [здесь](#)
С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться [здесь](#).
Отписаться от получения данной рассылки можно [здесь](#)

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

<http://www.m-logos.ru>

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

<http://exiora.ru>

E-Mail: info@exiora.ru

Тел.+7 (495) 762-62-44